

Песнь Обреченного Мира
Королева Каменных Чертогов

18+

Песнь Обреченного Мира

Григорий Кудряшов

**Песнь Обреченного Мира:
Королева Каменных Чертогов**

«Автор»

2026

Кудряшов Г. Д.

Песнь Обреченного Мира: Королева Каменных Чертогов /
Г. Д. Кудряшов — «Автор», 2026 — (Песнь Обреченного Мира)

Элис Арбор мечтала о свободе — петь на ветру, смотреть на птиц, не думать о замужестве. Но в её сны пришёл Лоуренс — мертвец в белом камзоле, чья половина лица — череп. «Укради Коготь Тени», — приказал призрак. И Элис подчинилась. Так началась её новая жизнь: вороватая странница в суровом Штормграде, невеста северного стража, а затем королева Стоунстейта. Она вышла замуж за Алриха, родила дочь, но вместо любви к королю в её сердце поселилась любовь к некромантии — запретному искусству, где мёртвые слушают живых. Лоуренс вернулся: «Ты свободна. Теперь умри. Забери кинжал — и убей себя». Элис предстоит выбор: оставить дочь сиротой или навсегда остаться марионеткой в руках того, кто уже восемь лет пьёт её жизнь. Потому что единственный способ спасти своё будущее — это превратить его в прошлое. Навсегда. История о тех, чья жизнь никогда не принадлежала им самим.

© Кудряшов Г. Д., 2026

© Автор, 2026

Григорий Кудряшов

Песнь Обреченного Мира: Королева Каменных Чертогов

Давным-давно, в мире необъятном и далёком...

Песнь Обреченного Мира: Королева Каменных Чертогов

Глава 1: Птица в золотой клетке

Весна в Междуречье всегда была временем, когда даже самые угрюмые торговцы начинали улыбаться, а самые расчётливые ростовщики — смотреть на мир с неожиданной мягкостью. Здесь, где реки Чёрный Змей и Серебрянка сплетались в вечном танце, разливаясь по низинам и создавая сотни маленьких островков, воздух становился густым, сладким и почти осязаемым. Он пах цветущими яблонями, мокрой корой и тем особым, ни с чем не сравнимым ароматом первой зелени, которая пробивается сквозь ещё холодную землю.

В самом сердце этой цветущей провинции, на холме, откуда открывался вид на оба речных рукава и бескрайние луга за ними, стоял дом, который местные называли не иначе как «Жемчужина Междуречья». Это был не замок — в Междуречье не любили замков, они слишком напоминали о войне, которую здесь предпочитали вести не мечами, а кошельками. Это был особняк: два этажа светлого, почти белого камня, с широкими террасами, увитыми диким виноградом, и огромными окнами, в которые солнце заглядывало каждое утро, будто проверяя, всё ли в порядке.

Особняк этот принадлежал семье Арбор. Торговый дом, который три поколения возил товары из Нордленда в Дезертстейт, из Стоунстейта в Лесное Королевство заключал сделки там, где другие боялись, и умел дружить с теми, с кем дружить было опасно. Глава семьи, старый лорд Арбор, давно отошёл от дел, передав бразды правления своему сыну — человеку расчётливому, но справедливому, которого в провинции уважали почти так же, как боялись. Почти.

Но сегодня, в это тёплое утро, когда солнце только перевалило за верхушки ивы, растущей во внутреннем дворе, в доме царило необычное оживление. Слуги сновали из комнаты в комнату, горничная в гостиной в сотый раз поправляла занавески, а старый дворецкий, мистер Октав, который служил ещё деду нынешнего лорда, ходил по коридорам с таким видом, будто готовился к вторжению инопланетян. Причина была проста и одновременно очень сложна. Причина звалась Элис.

— Элис! Элис, ты опять! — голос леди Арбор разнёсся по всему особняку, заставив даже птиц на мгновение замолчать.

Элис сидела на подоконнике в своей комнате на втором этаже. Это было её любимое место. Отсюда, с высоты второго этажа, был виден весь сад, старый пруд, в котором плавали карпы, и та самая кормушка, которую она собственноручно сколотила в двенадцать лет. Сейчас кормушка кипела жизнью: воробьи чирикали, споря за место, синицы перелетали с ветки на ветку, а одна наглая сорока, которую Элис втайне называла «Миледи Грей», сидела на краю и смотрела на всё это с высоты своего положения, никуда не торопясь.

— Мама, я слышу тебя с первого раза, — пропела Элис в ответ, не оборачиваясь. В её голосе, даже когда она просто разговаривала, всегда звучала мелодия. Говорили, что у Элис Арбор голос, как у феи из старых баллад, — чистый, высокий, способный заставить взрослых мужчин прослезиться, а детей — замереть на месте. Сама Элис считала это преувеличением, но втайне гордилась.

— Элис Роуз Арбор! — полное имя прозвучало особенно торжественно, а значит, мать настроена серьёзно. — Немедленно слезь с подоконника! Это неприлично! И опасно

— Мама, я сижу здесь почти с рожденья, — Элис наконец повернулась, и её лицо озаарила та самая улыбка, из-за которой местные торговцы готовы были отдавать товары в долг, а сыновья соседних домов — писать стихи, от которых плакали даже кошки. — За это время я ни разу не упала. — Она помолчала. — Ну, почти.

— Почти? — леди Арбор, высокая, величественная женщина в утреннем платье цвета лаванды, поджала губы.

— Было пару раз. Но я тогда была маленькой.

— Тебе восемнадцать, Элис. Восемнадцать и три дня. Ты не маленькая. И пора бы уже...

— Не начинай, мама, — Элис вздохнула, но вздох этот был не тяжёлым, а скорее театральным, с ноткой той самой жизнерадостности, которая, казалось, никогда её не покидала. — Я знаю, что ты хочешь сказать. Замужество. Приличная партия. Будущее. Всё это я слышала уже сто раз.

— Сто один, — поправила леди Арбор, входя в комнату и садясь на изящный стул у туалетного столика. — И если ты считаешь, что сто раз — это достаточно, чтобы я отстала, то ты глубоко ошибаешься. Твой отец...

— Мой отец женился на тебе по любви, и вы вместе уже двадцать пять лет. Я знаю эту историю. Она очень красивая. — Элис подобрала ноги, обхватив колени руками, и положила подбородок на руки. Её русые волосы, распущенные, мягкими волнами спадали на плечи, и в солнечных лучах в них загорались золотые искры. — Но это не значит, что я должна выходить за первого встречного.

— Никто не говорит о первом встречном, — леди Арбор вздохнула. — Но тебе восемнадцать, Элис. В этом возрасте твоя бабушка уже родила твоего отца. А твоя прабабушка...

— Мама, это было в прошлом веке, — Элис мягко перебила её. — Сейчас другое время. И потом, я ещё не встретила того, кто заставил бы моё сердце биться чаще.

— Твоё сердце бьётся чаще от любой новой птицы в саду, — усмехнулась леди Арбор, и в её глазах, несмотря на весь материнский прагматизм, мелькнула нежность. — Ты как маленькая. Восемнадцать лет, а всё бегаешь с флейтой и смотришь на воробьёв.

— Птицы прекрасны, мама, — Элис серьёзно посмотрела на неё. — Они свободны. Они могут улететь куда захотят, когда захотят. Их никто не спрашивает, приличная ли это партия.

— Птицы не выходят замуж, — парировала леди Арбор, но её голос уже потерял свою первоначальную строгость. — И не носят платья.

— Зато они поют, — Элис улыбнулась. — И я пою. Значит, мы с ними очень похожи.

Леди Арбор покачала головой, но спорить не стала. Спорить с Элис было бесполезно. Когда она начинала говорить о свободе, о птицах, о музыке — её глаза загорались таким огнём, что даже самый расчётливый купец готов был подарить ей свой товар бесплатно, лишь бы увидеть эту улыбку ещё раз. Это было семейным проклятием, и леди Арбор давно с ним смирилась.

— Ладно, — сказала она, вставая. — Но сегодня на вечернем приёме ты будешь. И будешь вести себя как подобает девушке из хорошей семьи.

— Конечно, мама, — Элис кивнула с самым невинным видом. — Я буду само очарование.

Леди Арбор посмотрела на неё с подозрением, но ничего не сказала. Когда дверь за ней закрылась, Элис вздохнула и снова повернулась к окну.

— Эх, Миледи Грей, — обратилась она к сороке, которая всё ещё сидела на кормушке и смотрела на неё с неподдельным интересом. — Ты не представляешь, как мне повезло. Весь день буду сидеть в платье, которое жмёт под мышками, улыбаться людям, которые обсуждают моё приданое, и делать вид, что мне это нравится.

Сорока издала короткий гортанный звук, будто соглашаясь.

— Знаешь, я иногда думаю, а что, если бы я родилась птицей? — продолжала Элис, подперев голову рукой. — Улетела бы туда, где всегда тепло. Где не нужно выходить замуж, где можно петь сколько хочешь и никто не скажет, что это «неприлично».

Сорока склонила голову набок, будто оценивая серьёзность её слов.

— Но с другой стороны, — Элис взяла с подоконника свою флейту — старую, деревянную, с потёртым мундштуком, которую подарил ей дед, когда ей было семь лет, — если бы я была птицей, я не могла бы играть на флейте. А петь, наверное, могла бы. Птицы поют. Но их песни такие короткие. А я люблю длинные. В них можно рассказать целую историю.

Она поднесла флейту к губам и заиграла. Мелодия была простой, почти детской, но в ней чувствовалась та самая тоска по чему-то большому, чему-то недостижимому, что иногда просыпается в душах молодых девушек, которые слишком много смотрят на птиц и слишком мало — на своё будущее.

Внизу, в гостиной, леди Арбор, услышав эту мелодию, покачала головой и улыбнулась.

— У неё талант, — сказал лорд Арбор, её муж, который вошёл незаметно и теперь стоял у камина, поправляя галстук. — Настоящий талант.

— Талант — это хорошо, — вздохнула леди Арбор. — Но талант не прокормит её, когда мы умрём.

— Она найдёт способ, — лорд Арбор подошёл к жене и обнял её за плечи. — Элис всегда найдёт способ. Она же наша дочь.

— Это меня и пугает, — призналась леди Арбор. — Она слишком... свободная. Слишком яркая. В этом мире таких ломают.

— Или они ломают этот мир, — философски заметил лорд Арбор. — Посмотрим.

К вечеру дом наполнился гостями.

Это был не тот парадный приём, на который съезжались все сливки общества Междуречья, а просто «близкий круг» — несколько семей, с которыми Арборы вели дела, два-три купеческих дома, и, конечно, молодые люди, которых леди Арбор втайне надеялась выдать за свою дочь. Всего человек двадцать, не больше. Но для Элис даже этого было достаточно, чтобы почувствовать себя золотой рыбкой в аквариуме.

Она спустилась в гостиную, когда гости уже собрались. На ней было платье цвета небесной лазури, с широкой юбкой и узким корсажем, который, как она и ожидала, слегка жал под мышками. Волосы были убраны в высокую причёску, из которой выбивалось несколько кудряшек, обрамлявших лицо. На шее — жемчужное ожерелье, подарок матери на совершеннолетие.

— А вот и наша звёздочка! — воскликнула тётушка Агата, огромная женщина в платье, которое, казалось, было сшито из занавесок, и с голосом, способным разбудить мёртвого. — Элис, дорогая, ты просто сияешь!

— Тётушка, — Элис наклонила голову в изящном поклоне, который она отрепетировала перед зеркалом не меньше сотни раз. — Вы тоже выглядите великолепно.

— Ох, льстишь, льстишь, — тётушка Агата махнула рукой, но по её лицу было видно, что она польщена. — А вот и молодые люди! Идите сюда, идите, знакомьтесь!

Элис посмотрела в ту сторону, куда указывала тётушка, и мысленно вздохнула.

Их было трое. Первый — сын местного судьи, молодой человек с масляными волосами и пронирыливыми глазками, который, как говорили, уже успел проиграть в карты половину наследства. Второй — племянник какого-то важного торговца из Дезертстейта, высокий, загорелый, с наглой улыбкой и руками, которые, казалось, были созданы для того, чтобы считать чужие деньги. Третий — самый молодой, с лицом, на котором ещё не успели проступить следы пороков, но с таким серьёзным видом, будто он нёс на плечах весь мир.

— Элис, позволь представить, — тётушка Агата, не дожидаясь согласия, взяла её за руку и подвела к ним. — Лорд Баррет, мистер Норвуд, сэр Гилберт. Молодые люди, это Элис, дочь лорда Арбора.

— Очень приятно, — Элис изобразила самую милую улыбку, на которую была способна. Лорд Баррет (тот, с масляными волосами) шагнул вперёд и, схватив её руку, поднёс к губам.

— Ваша красота, мадемуазель, ослепляет, — произнёс он с таким пафосом, что даже сорока на кормушке, наверное, покраснела бы.

— Вы очень любезны, — Элис мягко, но настойчиво высвободила руку. — Как поживает ваш отец? Говорят, он выиграл важное дело?

Лорд Баррет, не ожидавший такого поворота, замялся. Дело, о котором говорили в городе, его отец не выиграл — он его проиграл, и проиграл с треском. Но Элис спросила с таким невинным видом, что никто не мог бы заподозрить её в коварстве. А она просто проверяла, честен ли он.

Мистер Норвуд (дезертстейтский племянник) оказался более прямолинейным.

— Я слышал, вы поёте, мисс Арбор, — сказал он, окидывая её взглядом, который, возможно, в Дезертстейте считался комплиментом, а в Междуречье — просто наглостью. — Не могли бы вы исполнить что-нибудь для нас?

— Если вы настаиваете, — Элис улыбнулась и, не дожидаясь музыкантов (которых, к слову, в гостиной не было), просто запела.

Это была старая песня о девушке, которая ждала своего возлюбленного с войны. Песню эту Элис слышала от старой няни, которая когда-то сама ждала и не дождалась. Мелодия была простой, почти грубой, но в исполнении Элис она зазвучала по-новому. В ней появилась та самая тоска, о которой она думала утром, глядя на птиц. Та самая свобода, которую она искала в небе, но не могла найти на земле.

Когда она закончила, в гостиной было тихо. Даже тётушка Агата, которая обычно не упускала случая вставить слово, молчала. Мистер Норвуд смотрел на Элис с уважением, которого в его глазах не было минуту назад. Лорд Баррет — с восхищением, почти детским. А сэр Гилберт (самый молодой, с серьёзным лицом) просто стоял и смотрел.

— Bravo, — сказал кто-то из гостей, и хлопки разорвали тишину.

Элис поклонилась, чувствуя, как щёки заливают лёгкий румянец. Она не любила петь на публике — слишком много эмоций, слишком много себя отдавать чужим людям. Но иногда, в такие моменты, когда она видела, что её песня тронула чьё-то сердце, она понимала, зачем ей этот дар.

За ужином Элис сидела между матерью и тётушкой Агатой, что было сродни сидению между двумя огнями. Леди Арбор то и дело бросала на неё многозначительные взгляды, указывая глазами то на лорда Баррета, то на мистера Норвуда, то на сэра Гилберта. Тётушка Агата, в свою очередь, не стесняясь, комментировала вслух:

— Этот Баррет, конечно, из хорошей семьи, но говорят, у него карточные долги. А Норвуд — слишком самоуверен. А вот Гилберт... скромный, тихий. Из таких получают хорошие мужья.

— Тётя, — прошептала Элис, — я, кажется, видела, как он споткнулся о ковёр. Трижды.

— Значит, он настоящий, — отмахнулась тётушка Агата. — Искусственные не спотыкаются.

Элис не стала спорить. Она украдкой посмотрела на сэра Гилберта, который сидел на другом конце стола и с таким упорством ковырялся в своей тарелке, будто надеялся найти там ответ на вопрос жизни. Он был некрасив, но и не уродлив. Просто обычный. Таким же обычным было его лицо, его одежда, его манеры. Ничего выдающегося. И в этом, наверное, было своё обаяние.

— Ещё вина, мисс Арбор? — к ней подскочил слуга.

— Да, пожалуйста, — кивнула Элис.

Она сделала глоток и посмотрела в окно. За стеклом уже стемнело, и в саду зажглись фонари. Где-то там, в темноте, наверное, уже спала Миледи Грей. А на кормушке, наверное, сидели ночные птицы — совы или сычи, которых Элис побаивалась, но всё равно любила. Потому что они тоже были свободны. Потому что они могли улететь.

— Ты о чём задумалась? — спросила мать, касаясь её руки.

— О птицах, — честно ответила Элис.

Леди Арбор вздохнула, но ничего не сказала.

После ужина гости разошлись по гостиным и кабинетам. Мужчины обсуждали дела, женщины — сплетни. Элис, воспользовавшись моментом, выскользнула в сад.

Ночь была тёплой, почти летней. Звёзды сияли ярко, и луна, круглая, как тарелка, висела прямо над старой ивой. Элис подошла к кормушке, провела рукой по её шершавому дереву. Птиц не было, но ей казалось, что они где-то рядом, слушают.

— Я сегодня пела, — сказала она тихо. — Для них. Для чужих людей. Они хлопали. Но я не знаю, понравилось ли им на самом деле.

Ветви ивы качнулись, будто от ветра, хотя ветра не было.

— Мама говорит, что мне нужно выходить замуж, — продолжала Элис, глядя на луну. — А я не хочу. Не потому, что я плохая. Просто... я ещё не готова. Мне кажется, что где-то там, — она махнула рукой в сторону горизонта, — есть что-то, что я должна увидеть. Что-то, что нельзя увидеть, сидя в гостиной и улыбаясь глупым лордам.

Сорока, если это была она, не отозвалась. Луна светила всё так же ярко.

— Ладно, — Элис вздохнула. — Пойду. А то мама заметит, что меня нет, и начнёт искать.

Она пошла обратно к дому, но на полпути остановилась. Ей показалось, что в кустах кто-то шевелится. Она пригляделась — никого. Только тени и лунный свет.

— Наверное, показалось, — прошептала она и ускорила шаг.

Вернувшись в гостиную, она увидела, что мать разговаривает с сэром Гилбертом. Тот стоял с таким видом, будто его вызвали к доске, и смотрел на леди Арбор с почтительной боязнью.

— Элис, дорогая, — позвала её мать. — Сэр Гилберт как раз интересовался твоим мнением о новом театре в Бродвейле.

— О театре? — Элис подошла ближе. — Вы любите театр, сэр Гилберт?

Молодой человек покраснел, потом побледнел, потом снова покраснел.

— Я... я не был, — признался он. — Но слышал, что там очень... музыкально.

— Очень музыкально? — Элис не удержалась от улыбки. — Это хорошее описание.

— Я... я хотел пригласить вас... ну, то есть, если вы не против... возможно, когда-нибудь... — Сэр Гилберт замялся.

— Я подумаю, — ответила Элис, и это не было ложью. Она действительно подумает.

Поздно ночью, когда гости разъехались, а слуги закончили убирать, Элис снова сидела на подоконнике. В руках у неё была флейта. Она не играла — просто держала, чувствуя тепло дерева.

— Мама права, — прошептала она. — Я не могуечно сидеть на подоконнике и смотреть на птиц. Но я не могу и выйти за первого встречного. Где-то должна быть середина.

Она посмотрела на луну, которая теперь склонялась к горизонту.

— Может быть, завтра... завтра я найду ответ.

Она легла в кровать, укрылась одеялом и закрыла глаза. Снилось ей свобода. Снились птицы. Снилось она сама, парящая над холмами, над реками, над Междуречьем, которое вдруг стало таким маленьким, таким далёким, таким... неважным.

А на кормушке в саду, в лунном свете, сидела сорока и смотрела в окно спальни. Смотрела на девушку, которая спала, улыбаясь во сне. И, может быть, сорока знала то, что не знала Элис.

Что завтра всё изменится. Что скоро её свобода обретёт имя.

И что это имя будет не таким простым, как ей хотелось бы.

Глава 2: Гость из тумана

Сон пришёл не сразу. Сначала была только темнота, тёплая и мягкая, как объятия матери. Потом темнота начала светлеть, и Элис почувствовала под ногами траву. Не жёсткую, колючую придорожную траву Междуречья, а мягкую, нежную, такую, по которой хочется бежать босиком, раскинув руки, и смеяться без всякой причины.

Она так и сделала.

Поле было бескрайним. Цветы — синие, жёлтые, белые, красные — покрывали его сплошным ковром, переливающимся под солнцем, как драгоценные камни. Элис не знала названий этих цветов. Она никогда не видела таких раньше. Но они пахли мёдом, свободой и чем-то ещё — тем, что невозможно описать словами, но что хочется петь.

Она бежала. Её босые ноги (во сне она почему-то была без туфель) утопали в траве, и каждый шаг поднимал в воздух облачка разноцветной пылицы. Она смеялась — звонко, радостно, как в детстве, когда мир был простым и понятным. Она прыгала, кружилась, падала в траву и смотрела на небо, такое голубое, такое чистое, что, казалось, можно дотянуться и достать до солнца.

— Это самый прекрасный сон в моей жизни, — прошептала она, глядя на облака, которые складывались в причудливые фигуры.

И в этот миг мир рухнул.

Не постепенно, не с предупреждением. Просто — раз — и поля не стало. Цветы исчезли, трава исчезла, небо исчезло. Вместо них пришёл туман. Серый, густой, влажный, он обволакивал её со всех сторон, забираясь под одежду, охлаждал кожу, заставлял дышать часто и поверхностно.

— Что... — Элис огляделась, но ничего не увидела. Только туман. Только тишину. — Где я?

Ответа не было. Тишина давила на уши, и в этой давящей тишине Элис вдруг поняла, что она не одна.

Он появился из тумана так же внезапно, как исчезло поле. Сначала она увидела только силуэт — высокий, стройный, почти нечеловечески изящный. Потом проступили детали.

Белый камзол, расшитый золотыми узорами такой тонкой работы, что, казалось, сами нити светились изнутри. Узоры вились по рукавам, поднимались к воротнику, спускались к поясу, образуя замысловатые, древние символы. Плащ того же белоснежного цвета ниспадал с плеч, тяжёлый, расшитый золотом по краю. Капюшон был откинут.

И лицо.

Элис смотрела на него и не могла отвести взгляд. Левая половина была прекрасна — благородный, чёткий овал, гладкая кожа, тонкие, но твёрдо сжатые губы. Левый глаз — тёмный, глубокий, смотрел прямо на неё, и в этом взгляде была такая власть, что Элис на мгновение забыла, как дышать.

Правая половина была кошмаром.

Кожа разодрана, обнажая белую кость черепа. Глазницы нет — только тёмная, глубокая впадина, уходящая в никуда. Щека отсутствует, позволяя видеть зубы, обнажённые в вечной, неподвижной усмешке. Кости скулы торчат наружу, белые, гладкие, неестественно чистые.

— Ты... — прошептала Элис, отступая на шаг. Её ноги дрожали, но не от холода. — Ты кто?

Незнакомец не ответил. Он смотрел на неё долгую минуту, и в его единственном глазу не было ни угрозы, ни дружелюбия — только оценивающее любопытство. Как у коллекционера, рассматривающего новую, незнакомую вещь.

— Элис Роуз Арбор, — наконец произнёс он. Голос его был низким, глубоким, с лёгкой хрипотцой, и каждое слово падало в тишину, как камень в воду. — Восемнадцать лет. Три дня. Не замужем.

— Откуда ты знаешь? — Элис попыталась взять себя в руки. Страх никуда не ушёл, но к нему добавилось любопытство. И ещё что-то — чувство, которое она не могла определить.

— Я многое знаю, — усмехнулся незнакомец, и его живая половина лица осветилась странным светом. — Больше, чем ты можешь себе представить. И меньше, чем хотел бы. — Он сделал шаг вперёд, и туман расступился перед ним, будто боясь. — Меня зовут Лоуренс. Возможно, ты слышала это имя.

Элис замерла.

Лоуренс. Основатель Картеля. Легенда, миф, тень за тронем Междуречья. О нём говорили шёпотом в тёмных переулках Бродвейла. О нём пели песни старые барды, и в этих песнях всегда было что-то, от чего кровь стыла в жилах. Но чтобы он — в её сне...

— Ты не можешь быть Лоуренсом, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Лоуренс мёртв. Уже две тысячи лет.

— Мёртв? — Призрак (а это был именно призрак — Элис видела, как свет проходит сквозь его фигуру, не задерживаясь) усмехнулся. — Смерть — это понятие для живых. Я — нечто большее. И меньшее. Я — память. Воля. И — да, — он сделал паузу, и его единственный глаз загорелся, — я — твой предок.

— Что? — Элис не поверила своим ушам. — Ты... мы... это невозможно!

— Возможно, — Лоуренс подошёл ещё ближе, и Элис почувствовала, как холод исходит от его фигуры. Не физический холод — тот, что от могилы, от древности, от чего-то, что не должно существовать. — Кровь не врёт, Элис. Течёт в твоих жилах, тихая, сонная, но она есть. Кровь Лоуренса. Ты — моя наследница.

— Нет, — покачала головой Элис. — Мои родители — честные торговцы. В нашей семье не было...

— Твоя прапрабабушка, — перебил он, и в его голосе зазвучали новые нотки — нетерпение, смешанное с чем-то, похожим на усталость, — была дочерью одного из моих... отдалённых потомков. Линия почти прервалась. Почти. Но ты — ты продолжаешь её. И в тебе течёт сила, о которой ты даже не догадываешься.

Элис молчала. Слова не укладывались в голове. Она — наследница Лоуренса? Та самая Элис, которая утром кормила птиц и мечтала о свободе? Это было слишком нелепо, чтобы быть правдой. И слишком страшно, чтобы быть ложью.

— Зачем ты пришёл? — спросила она наконец.

Лоуренс посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты избрана, Элис Арбор. Избрана для высшей цели.

— Какой?

— Не сейчас, — он покачал головой. — Всему своё время. Ты ещё не готова услышать всё. Но первый шаг ты можешь сделать уже сейчас.

— Какой шаг?

— Вернуть то, что принадлежит нам по праву. Семейную реликвию.

Элис нахмурилась.

— Какую реликвию?

— Коготь Тени. — Лоуренс произнёс это название с таким благоговением, что даже туман, казалось, замер. — Кинжал с чёрным лезвием и рукоятью из кости, выкованный в древние времена. Он был утерян, но теперь его место известно. Он в Нордленде. В Штормграде.

— И ты хочешь, чтобы я... украла его?

— Вернула, — поправил Лоуренс. — Это не кража, Элис. Это возвращение долга. Реликвия принадлежит нашей крови. Твоей крови. — Он шагнул к ней так близко, что она почувствовала запах — ладан, старость, и что-то ещё, от чего закружилась голова. — Ты поедешь в Штурмград. Найдёшь кинжал. Принесёшь его мне. А дальше... дальше я скажу, что делать.

— А если я откажусь? — Элис подняла голову и посмотрела ему прямо в его единственный глаз. Страх ещё был, но теперь к нему добавилось упрямство. То самое, из-за которого мать называла её «невыносимой». — Если я просто проснусь и забуду этот сон?

Лоуренс усмехнулся. И в этой усмешке была такая уверенность, что у Элис похолодело внутри.

— Ты не забудешь. И не откажешься. Потому что я — часть тебя. Часть твоей крови. И пока ты не выполнишь то, что должна, я буду приходить. Каждую ночь. Каждый сон. До тех пор, пока ты не согласишься.

— Это угроза? — прошептала Элис.

— Это обещание, — ответил Лоуренс.

Он поднял руку, и туман вокруг закружился, сгущаясь, обволакивая их обоих.

— Скоро мы встретимся снова, Элис Арбор. А пока... спи.

Мир взорвался темнотой.

Элис проснулась с криком.

Она сидела на кровати, тяжело дыша, и не могла понять, где находится. Комната, залитая лунным светом, показалась ей чужой, незнакомой. Только когда взгляд упал на флейту, лежащую на подоконнике, она вспомнила — дом. Её дом. Её комната. Её жизнь.

Сон.

Это был просто сон.

Но почему тогда сердце колотится так, будто она пробежала милью? Почему руки дрожат, а в голове звучит голос — низкий, хриплый, властный?

— Лоуренс, — прошептала она, и имя повисло в воздухе, как проклятие.

Элис не могла заснуть до утра. Она лежала в темноте, глядя в потолок, и думала. О цветочном поле, о тумане, о том, как её кровь, оказывается, течёт сквозь века, связывая её с чудовищем из легенд.

Утром, когда солнце заглянуло в окно, она почувствовала себя разбитой. Глаза слипались, но сон не шёл. Мысли металась, как птицы в клетке.

«Просто забудь, — шептал внутренний голос. — Это был сон. Кошмар. Отравленный ужин. Всё что угодно, но не реальность».

«А если нет? — возражал другой голос, тихий, настойчивый. — Если это правда? Если ты действительно наследница? Если кинжал существует?»

Элис встала, умылась ледяной водой, оделась. За завтраком она была молчаливее обычного, и мать заметила это.

— Ты плохо спала, дорогая? — спросила леди Арбор, наливая ей чай.

— Немного, — ответила Элис, отводя взгляд.

Она не могла рассказать. Не могла произнести вслух то, что видела во сне. Мать подумает, что она сошла с ума. Отец — что она переутомилаась. Тётушка Агата посоветует выйти замуж, чтобы «глупости из головы выветрились».

После завтрака Элис вышла в сад. Сорока, Миледи Грей, сидела на кормушке и смотрела на неё с тем же интересом, что и вчера.

— Ты знала? — спросила Элис, подходя ближе. — Знала, что я не просто Элис?

Сорока издала короткий звук, будто пожимая плечами.

— Глупая птица, — вздохнула Элис. — Ты не умеешь говорить.

Она постояла у кормушки, глядя, как воробьи ссорятся за крошки, и думала о том, что если она согласится, её жизнь изменится навсегда. Если откажется — голос Лоуренса будет приходить каждую ночь, и она сойдёт с ума.

— Нужно подумать, — сказала она вслух. — Подумать хорошенько.

И она отправилась гулять по городу.

Бродвейл был прекрасен в это время года. Улицы, залитые солнцем, пахли жасмином и свежим хлебом. Торговцы выкрикивали товары, дети бегали с деревянными мечами, играя в войнушки, а старухи на скамейках обсуждали новости, которых всегда было больше, чем правды.

Элис шла медленно, не глядя по сторонам. Она смотрела под ноги, на булыжники, которые помнили сотни лет истории, и думала.

«Если я поеду в Нордленд, что скажу родителям? Что отправляюсь в путешествие по делам? Каким делам? У меня нет дел. Я девушка из хорошей семьи, и моё место — в гостиной, за вышиванием, а не на дорогах, полных разбойников и чужаков».

Она свернула на рыночную площадь. Здесь было шумно. Крестьяне из окрестных деревень торговали овощами, мясом, рыбой. Купцы из дальних земель расхваливали свои товары. Где-то играла музыка — старый бард с седой бородой пел балладу о любви и смерти.

Элис остановилась послушать. Бард был неплох, но его голос не шёл ни в какое сравнение с тем, что снилось ей сегодня. Тот голос — низкий, властный, — звучал в ней до сих пор.

— Элис! — окликнул её кто-то.

Она обернулась. Это был сэр Гилберт, тот самый молодой человек, который спотыкался о ковёр. Он стоял у лотка с фруктами, держа в руках яблоко, и выглядел так, будто только что увидел привидение.

— Доброе утро, — Элис кивнула, стараясь улыбнуться.

— Д-доброе, — он замялся. — Вы... вы сегодня не на приёме?

— Сегодня нет приёма, сэр Гилберт. Сегодня я просто гуляю.

— А... можно мне составить вам компанию?

Элис хотела отказаться, но потом подумала — почему бы и нет? Ей всё равно нужно было отвлечься. А сэр Гилберт был настолько безобиден, что даже воробьи не боялись его.

— Хорошо, — сказала она. — Только недолго. У меня много дел.

Они пошли по набережной. Сэр Гилберт нервничал, то и дело поправлял воротник и ронял яблоко, которое так и не решился надкусить. Элис смотрела на воду, на лодки, на чаек, и думала о своём.

«Нордленд. Холодный, суровый, далёкий. Я никогда там не была. Я вообще нигде не была, кроме Междуречья. Как я туда доберусь? С кем? На что?»

— Мисс Арбор, — голос сэра Гилберта вырвал её из размышлений. — Вы... вы какая-то грустная сегодня. Всё в порядке?

— Всё хорошо, — ответила Элис. — Просто задумалась.

— О чём?

— О птицах, — соврала она.

— А, — сэр Гилберт кивнул, хотя было видно, что он ничего не понял. — Птицы — это... это прекрасно.

Они прошли ещё немного, и Элис остановилась у моста.

— Спасибо за компанию, сэр Гилберт, — сказала она. — Мне пора.

— Но мы только начали...

— Правда, пора. До свидания.

Она оставила его стоять у моста с яблоком в руке и растерянным видом. Элис почти чувствовала себя виноватой, но не могла оставаться дольше. Слишком много мыслей теснилось в голове.

Она зашла в маленькое кафе на углу, где подавали самый вкусный шоколад во всём Бродвейле, села за столик у окна и заказала чашку.

«Если я поеду, — думала она, глядя, как шоколад парит в чашке, — мне понадобятся деньги. Много денег. У меня есть свои сбережения, но хватит ли их?»

Она представила себе дорогу. Месяц, может, больше. Лошади, ночлеги, еда. И опасности. Разбойники, дикие звери, погода. Она одна. Без охраны, без спутников, без оружия.

«А если я найду этот кинжал? Что тогда? Отдам его призраку из сна? И он оставит меня в покое? Или... или начнёт требовать больше?»

Шоколад остыл, а она так и не сделала ни глотка.

День тянулся бесконечно.

Элис обошла весь город. Была на рынке, в порту, на старом кладбище, где хоронили моряков, погибших в далёких плаваниях. Стояла у могилы, на которой было выбито: «Он видел то, что мы не увидим никогда», и думала о том, что, возможно, эти слова относятся и к ней.

Она зашла в храм богов-сотворителей, где пахло ладаном и тишиной. Села на скамью, посмотрела на статую Рогнада — бога, который, как говорили, создал этот мир из ничего. Рогнад смотрел на неё каменным глазом, и в его взгляде не было ни ответа, ни утешения.

— Что мне делать? — прошептала Элис.

Статуя молчала.

К вечеру она вернулась домой. Ужин прошёл в молчании. Мать, заметив её состояние, не стала приставать с расспросами. Отец только вздохнул и пожелал спокойной ночи. Тётушка Агаты не было — к счастью.

Элис поднялась в свою комнату, села на подоконник, взяла флейту.

Она не играла. Просто держала её, глядя на звёзды.

«Если я поеду, я предам родителей. Они вырастили меня, дали всё, что могли, а я уеду, даже не сказав куда. Если останусь — предам себя. Потому что теперь я знаю. Знаю, что я не просто Элис. Что моя кровь старше, чем я думала. И что где-то там, в Нордленде, лежит кинжал, который ждёт меня».

Звёзды не давали ответа. Луна, круглая, как тарелка, висела над ивой, и в её свете сад казался чужим, незнакомым.

Элис легла в кровать, но не закрывала глаза. Она смотрела в потолок и думала.

«Завтра, — сказала она себе. — Завтра я решу».

Но когда сон наконец пришёл, решение так и не было принято. Она провалилась в темноту без снов, и последняя мысль, мелькнувшая в её сознании, была о нём — о том, кто ждал её в тумане.

А на кормушке в саду сидела сорока и смотрела на окно спальни. Смотрела на девушку, которая металась между долгом и желанием, и молчала. Потому что знала — выбор уже сделан. Даже если сама Элис этого ещё не поняла.

Глава 3: Дорога в неизвестность

Сон пришёл с первыми звёздами.

Элис не заметила, как провалилась в темноту. Ещё минуту назад она лежала, глядя в потолок, перебирая в голове все «за» и «против», а потом — раз — и она уже стояла на том самом поле. Только теперь цветы исчезли. Вместо них был всё тот же серый туман, стелющийся под ногами, и тишина, которая давила на уши.

— Ты пришёл, — сказала она, не оборачиваясь. Она знала, что он здесь. Чувствовала.

— Я всегда там, где ты меня ждёшь, — голос Лоуренса прозвучал за спиной, и Элис почувствовала холод, исходящий от его приближения. — И даже там, где не ждёшь.

Она обернулась. Он стоял в двух шагах, такой же, как в прошлый раз — белый камзол с золотыми узорами, тяжёлый плащ, разодранная половина лица и живой, пронзительный глаз, который смотрел прямо на неё.

— Ты решила? — спросил он без предисловий.

Элис сделала глубокий вдох. Сердце колотилось где-то в горле, но голос, когда она заговорила, был твёрже, чем она ожидала.

— Решила. Я готова.

— Хорошо, — Лоуренс кивнул, и его живая половина лица чуть расслабилась, будто он ожидал другого ответа. — Я знал, что ты не подведёшь.

— Но, — Элис подняла руку, останавливая его, — я не знаю, как туда попасть. Я никогда не была дальше Бродвейла. У меня нет денег на дорогу, нет карты, нет...

— За родителей не бойся, — перебил он, и в его голосе зазвучали новые нотки — уверенность, смешанная с чем-то, похожим на нетерпение. — Этот вопрос я уже решил.

Элис замерла.

— Что? — переспросила она, не веря своим ушам. — Как? Что ты с ними сделал?!

— Ничего я с ними не сделал, — Лоуренс усмехнулся, и эта усмешка была страшнее любого крика. — Они просто будут получать письма. Якобы от тебя. Вот и всё.

— А кто их будет писать? — в голосе Элис прозвучало подозрение.

— Это уже не твоего ума дело, — отрезал призрак. — У тебя другие задачи.

— Но...

— Никаких «но», — голос Лоуренса стал жёстче, и туман вокруг заколебался, будто испугавшись. — Ты согласилась. Теперь дело за малым — выполнить.

Элис хотела возразить, но промолчала. Спорить с ним было бесполезно. Она уже поняла это по прошлому разу.

— А как я доберусь до Штормграда? — спросила она. — Это ведь очень далеко. И у меня нет ни денег, ни знания пути.

— Ты думаешь, я отправил бы тебя боги знают куда, не продумав маршрут? — Лоуренс посмотрел на неё с таким видом, будто она спросила, а не растает ли снег зимой.

— Ну... да? — неуверенно ответила Элис.

— Завтра, — Лоуренс поднял один палец, и в его единственном глазу загорелся странный огонь, — ровно в одиннадцать тридцать семь утра мимо твоего дома проедет повозка. Она везёт корни реграла в Флеттенхолд. А именно — в Сайтрам.

— В Сайтрам? — Элис нахмурилась. — Это же на противоположной стороне острова! При чём тут Нордленд?

— Если ты так и продолжишь меня перебивать, — голос Лоуренса стал ледяным, — то ничего не поймёшь.

— Ладно, — Элис прикусила губу. — Молчу.

— Вот и славно, — призрак чуть смягчился. — Корень реграла растёт только в Междуречье. По совместительству, он ещё и ценный алхимический ингредиент. Именно эта повозка идёт в коллегию Свободного Изучения Природной Магии — СИМП. Вот туда тебе как раз и надо.

— В коллегию? — Элис удивилась. — Зачем?

— Там ты должна найти Августа, — Лоуренс говорил быстро, чётко, будто зачитывал инструкцию. — Он уже как десять лет архимаг. Ты должна втереться к нему в доверие и вместе с ним поехать в Нордленд. Он как раз после поставки корней туда и отправится.

— Зачем архимагу в Нордленд? — Элис не удержалась от вопроса.

— Не бойся, — усмехнулся Лоуренс, и в этой усмешке было что-то, от чего по спине побежали мурашки. — Если ты сможешь втереться к нему в доверие, он обязательно тебе в красках всё расскажет.

— А если не смогу? — тихо спросила Элис.

— Сможешь, — Лоуренс посмотрел на неё долгим, странным взглядом. — Это будет не трудно. А учитывая твою внешность и доброту... так вообще оно и само может всё выйти.

— Это ты на что намекаешь? — Элис почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Ну я даже не знаю! — с очень явным сарказмом начал Лоуренс. — Наверное, на то, что погода хорошая!

— ...

Элис молчала, чувствуя, как внутри закипает возмущение. Но спорить с призраком, который мог вселяться в её сны и, возможно, управлять её жизнью, было не самой умной идеей.

— Ладно, — сказала она, сдерживаясь. — Если вопросов больше нет...

— Стой! — Элис подняла руку. — Ещё один.

Лоуренс замер. Его единственный глаз смотрел на неё с лёгким раздражением.

— Что будет, если меня увидят? — спросила Элис. — Когда я буду забираться в повозку?

— Ну... — призрак задумался на мгновение, и его живая половина лица исказилась в странной гримасе. — Тебя окрестят воровкой. Ты опозоришь семью. Тебя арестуют. И я окончательно разочаруюсь в тебе. — Он сделал паузу, и его голос стал ледяным. — Поэтому не оплошайся.

Прежде чем Элис успела ответить, мир взорвался темнотой.

Она проснулась в холодном поту.

Комната была залита лунным светом. Где-то в саду кричала сова. Сердце колотилось так, будто она только что пробежала марафон.

— Одиннадцать тридцать семь, — прошептала она, садясь на кровати. — Утра. Сегодня.

Она взглянула на часы, стоящие на туалетном столике — маленькие, изящные, с золотыми стрелками. Два часа ночи.

— У меня есть время, — сказала она себе. — Время подготовиться.

Элис встала, подошла к шкафу. Открыла его, долго смотрела на платья, висящие ровными рядами. Шёлк, бархат, лён — всё это было частью её жизни. Её прошлой жизни.

— Не то, — прошептала она, закрывая дверь.

Она подошла к комоду, выдвинула ящик. Там, под стопкой вышитых платков, лежала одежда, которую она носила, когда хотела уединиться в саду, подальше от глаз матери и её вечных замечаний. Простая, удобная, незаметная. Кожаные штаны, мягкая рубашка, тёплый плащ.

— Это подойдёт, — сказала она, доставая вещи.

Она одевалась быстро, почти беззвучно, чтобы не разбудить слуг. Каждую минуту она прислушивалась — не скрипнет ли дверь, не раздадутся ли шаги в коридоре. Но дом спал. Даже пёс Брут, который обычно дремал у камина, сегодня почему-то молчал.

Когда всё было готово, Элис подошла к туалетному столику. Открыла маленькую шкатулку из чёрного дерева — ту самую, где хранились её сбережения. Золотые монеты, несколько серебряных, жемчужное ожерелье, подаренное бабушкой. Она взяла всё. Не жемчуг — он был слишком заметен, а монеты. Взвесила на ладони. Хватит ли?

— Хватит, — сказала она себе, хотя уверенности не было.

Она сунула монеты в маленький кошелек, который привязала к поясу. Потом подошла к окну.

Сад спал. Ветви ивы неподвижно висели в лунном свете. Где-то на кормушке, наверное, дремала Миледи Грей.

— Прощай, — прошептала Элис, и в этом слове было столько боли, что она сама удивилась.

Она не стала писать письма. Не стала ничего объяснять. Лоуренс сказал, что родители будут получать послания. Значит, так тому и быть. Лучше не рисковать.

Дверь открылась беззвучно — она смазывала петли ещё вчера, на всякий случай. Коридор был пуст. Слуги спали внизу, в своей комнате. Мать с отцом — в спальне на другом конце дома.

Элис бесшумно спустилась по лестнице, прошла мимо гостиной, мимо кухни, мимо комнаты, где жил старый дворецкий. Никто не проснулся. Никто не вышел.

Только когда она уже взялась за ручку входной двери, в голове мелькнула мысль: «А что, если они решат, что меня похитили?». Но она отогнала её. Не время для сомнений.

Холодный утренний воздух ударил в лицо. Солнце ещё не встало, но небо на востоке уже серело, обещая скорый рассвет. Элис выскользнула за ворота и огляделась.

Улица была пуста. Только бездомная кошка, свернувшаяся клубком на крыльце соседнего дома, проводила её сонным взглядом.

— Теперь ждать, — прошептала Элис.

Она отошла к старому дубу, росшему напротив их дома. Встала за стволом, откуда была видна дорога, и замерла.

Время тянулось медленно. Минуты казались часами. Элис несколько раз проверяла кошелек, поправляла плащ, перебирала в уме то, что сказал Лоуренс.

«Коллегия СИМП. Архимаг Август. Корни реграла. Втереться в доверие».

Легко сказать. Она — девушка из хорошей семьи, которая ни дня не работала, ни разу не была дальше Бродвейла. Как она втрётся в доверие к архимагу? Тем более к тому, который управляет одной из самых могущественных организаций на острове?

— Внешность и доброта, — вспомнила она слова Лоуренса и поморщилась. — Ну да, конечно. Прямо-таки ключ ко всем дверям.

Но выбора не было.

Вдалеке послышался стук копыт.

Элис выглянула из-за дуба. По дороге, со стороны центра Бродвейла, ехала повозка. Небольшая, крытая брезентом, запряжённая двумя крепкими лошадьми. Возница — коренастый мужчина в потрёпанной шляпе — смотрел прямо перед собой и, кажется, не обращал внимания ни на что вокруг.

— Одиннадцать тридцать семь, — прошептала Элис, глядя на часы на ближайшей колокольне. — Точно.

Она прижалась спиной к дереву, считая мгновения. Когда повозка поравнялась с дубом, когда тень накрыла её — она прыгнула.

Не раздумывая, не боясь.

Её руки ухватились за край борта, ноги подтянулись, и через мгновение она уже лежала в кузове, среди мешков, пахнущих землёй и травой.

— Тихо, — одёрнула она себя, хотя никто не сказал ни слова.

Возница не обернулся. Лошади не испугались. Повозка продолжала свой путь, будто ничего не случилось.

Элис лежала на жёстких мешках, чувствуя, как каждый камень на дороге отдаётся в спину. Брезент сверху был накинута небрежно, оставляя щель, через которую пробивался свет. Она видела небо, облака и верхушки деревьев, проплывающие мимо.

— Я сделала это, — прошептала она, и в голосе её смешались удивление, страх и что-то ещё — то, что она не могла определить.

Путь через Междуречье был долгим.

Повозка двигалась неспешно, но неумолимо. Элис считала часы по солнцу, которое ползло по небу, и по теням, которые удлинялись и укорачивались, сменяя друг друга.

Она не знала, сколько именно времени прошло. Может, час. Может, два. Мир за щелью в брезенте менялся. Сначала это были ухоженные улицы Бродвейла, потом окраины, где дома становились беднее, а люди — суровее. Потом начались поля.

Бескрайние, золотистые от созревшей пшеницы, они тянулись до самого горизонта. Элис смотрела на них и думала о том, что, наверное, никогда не видела такого простора. В городе всё было иначе — дома, заборы, стены. А здесь — только небо и земля.

— Красиво, — прошептала она.

В какой-то момент повозка остановилась. Элис замерла, боясь пошевелиться. Послышались голоса.

— Документы, — сказал кто-то грубым, прокуренным голосом.

— Вот, — ответил возница, и в его голосе не было страха, только усталость.

— Корни реграла? — удивился стражник (а это, судя по голосу, был именно стражник).

— Редкий груз. Кому везёшь?

— В СИМП, — ответил возница. — Архимаг заказал.

— Ну-ну, — стражник хмыкнул. — Езжай.

Повозка тронулась, и Элис выдохнула. Граница Междуречья осталась позади.

Флеттенхолд встретил её лесами.

Сначала они были редкими, сменялись полянами и перелесками. Потом деревья сомкнулись, и свет, пробивавшийся сквозь брезент, стал тусклым, зелёным. Воздух изменился — стал влажным, пахнувшим хвоей и грибами. Где-то вдалеке куковала кукушка, и Элис считала её крики, не зная зачем.

Дорога стала хуже. Повозку трясло так, что Элис несколько раз ударялась головой о мешки. Она закусила губу, чтобы не закричать, и молилась всем богам, каких знала, чтобы это поскорее закончилось.

Но оно не заканчивалось.

Лес тянулся и тянулся, бесконечный, однообразный. Элис начала сомневаться — а не ошиблась ли она? А ту ли повозку выбрала? А существует ли вообще Сайтрам?

Но потом деревья расступились.

Сначала она увидела холмы. Зелёные, мягкие, они поднимались к небу, как волны. Потом — реку, широкую, блестящую на солнце. А потом — город.

Сайтрам не был похож на Бродвейл. Здесь не было широких проспектов, по которым сновали кареты. Не было особняков с колоннами и фонтанов. Здесь была тишина. И здания, которые, казалось, вырастали из леса.

Но главное было впереди.

Коллегия Свободного Изучения Магической Природы.

Элис видела её издалека — монументальные башни из тёмного базальта, устремлённые в небо. Их было несколько, и они были соединены мостами, которые казались тонкими, как паутина. На стенах мерцали руны — древние письмена, которые она не могла прочитать, но которые чувствовала кожей.

— Боги, — прошептала она, не в силах отвести взгляд.

Повозка замедлилась. Элис услышала, как стучат копыта по камню, а потом — голоса. Много голосов. Студенты, маги, слуги — все они сновали туда-сюда, занятые своими делами.

— Стой! — крикнул кто-то.

Повозка остановилась. Элис услышала, как возница слез с козел, как заскрипели мешки, когда он откинул брезент.

— Груз для архимага, — сказал он кому-то.

— Принимайте, — ответили ему.

Элис знала — сейчас или никогда.

Она перекатилась к краю повозки, выглянула. Вокруг не было никого, кто смотрел бы в её сторону. Студенты, закутанные в серые мантии, обсуждали что-то неподалёку. Возница разговаривал с низкорослым человеком в очках — возможно, кладовщиком.

Она спрыгнула.

Бесшумно, как кошка.

Приземлилась на мягкую траву, пригнулась, огляделась. Никто не заметил.

Коллегия возвышалась перед ней, грандиозная, пугающая, прекрасная.

— Я здесь, — прошептала Элис.
И шагнула вперёд, в новую жизнь.
На этом история только начиналась.

Глава 4: Попутчик

Коллегия Свободного Изучения Магической Природы оказалась даже больше, чем казалась издалека.

Элис шла по мощёным дорожкам, выложенным гладким светлым камнем, и чувствовала себя песчинкой в огромном механизме. Студенты в серых мантиях сновали туда-сюда, кто-то с книгами под мышкой, кто-то с кристаллами в руках, кто-то просто бежал, опаздывая на лекцию. Преподаватели — в таких же мантиях, но с серебряными нашивками на рукавах — двигались степеннее, но тоже куда-то спешили.

— Извините, — Элис остановила молодого человека с рыжими волосами и веснушчатым лицом. — Вы не подскажете, где найти архимага?

Рыжий посмотрел на неё с подозрением.

— Архимага? А вы кто?

— Я... ну, я хотела бы... — Элис запнулась. Она не придумала легенды. В суматохе побега, среди мешков с корнями реграла, среди тряски и страха, она как-то упустила эту важную деталь.

— Студентка? — Рыжий прищурился. — Не похожа. У нас форма другая.

— Я... я по обмену, — выпалила Элис первое, что пришло в голову. — Из Междуречья. Меня направили для... стажировки.

— Хм, — рыжий, кажется, не поверил, но спорить не стал. — Архимаг обычно в главной башне. Идите прямо, потом налево, потом направо, потом снова прямо, потом вверх по лестнице. Не промахнётесь.

Он ушёл, оставив Элис с ещё большим количеством вопросов.

— Прямо, налево, направо, прямо, вверх, — пробормотала она, пытаясь запомнить маршрут.

Она пошла.

Прямо привело её в просторный двор, где группа студентов запускала светящиеся шары в небо. Налево — к длинной галерее, стены которой были расписаны сценами из истории магии. Направо — в библиотеку, огромную, с потолками, уходящими вверх, и запахом старых книг.

— Простите, — Элис подошла к библиотекарю — пожилой женщине с добрым лицом и в таких же очках, как у сэра Гилберта. — Вы не знаете, где архимаг?

— О, дорогая, — женщина покачала головой. — Август сейчас не принимает. У него поставка каких-то редких корней. Он будет занят весь день.

— Мне очень нужно, — Элис постаралась придать голосу умоляющие нотки.

— Ничем не могу помочь, — библиотекарь развела руками. — Попробуйте завтра.

Элис вышла из библиотеки расстроенная. Завтра — это слишком поздно. Завтра, может быть, не будет кареты. Не будет Архимага. Не будет шанса.

Она продолжила поиски.

Вверх по лестнице — это было самое страшное. Лестница вилась и вилась, уходя всё выше и выше. Элис сбилась со счёта пролётов где-то после пятого. Ноги гудели, дыхание сбилось, но она упрямо шла вверх.

На верхней площадке была дверь. Тяжёлая, дубовая, с массивной бронзовой ручкой. Элис постучала.

Никто не ответил.

Она толкнула дверь — заперто.

— Нет, — прошептала она, прислоняясь лбом к холодному дереву. — Этого не может быть.

Она спустилась вниз. Снова опросила студентов, преподавателей, даже слуг. Никто не знал, где архимаг. Или знали, но не хотели говорить.

Часы на главной башне пробили полдень.

— Я не сдамся, — сказала Элис себе, хотя в голосе уже не было прежней уверенности.

Она обошла ещё несколько корпусов. Заглянула в аудитории, где читали лекции, в лаборатории, где что-то бурлило и дымилось, в теплицы, где росли странные растения, которых она никогда не видела. Нигде.

К трём часам дня Элис вымоталась окончательно. Ноги отказывались идти, глаза слипались, а в голове была только одна мысль: «Я зря сюда приехала».

Она побрела к выходу.

Коллегия провожала её гулом голосов, смехом студентов и звоном колоколов, отбивающих время. Элис смотрела под ноги, на серые плиты, и думала о том, что скажет Лоуренсу. Что подведёт его. Что опозорится. Что её арестуют и...

Она не заметила, как в неё кто-то влетел.

Удар был сильным, неожиданным. Элис потеряла равновесие и начала падать, но чьи-то руки схватили её за плечи, удержав в последний момент.

— Ой! — выкрикнула она, чувствуя, как сердце ухнуло в пятки.

Перед ней стоял мужчина.

Он был невысоким, но крепким, с копной седых волос, торчащих в разные стороны, и глазами, которые, казалось, видели всё и сразу. На нём была мантия архимага — тёмно-синяя, с золотыми звёздами на рукавах, — но мантия эта была такой помятой, будто в ней спали, ели и, возможно, даже дрались. У пояса висели какие-то склянки, сверкающие разноцветными жидкостями.

— Извините, — пробормотал мужчина, не отпуская её плеч. — Кстати, что-то я раньше здесь вас не видел. Мы знакомы?

— Э-э-э... — Элис замерла, не зная, что ответить.

— А впрочем, это не важно, — мужчина махнул рукой, и склянки на его поясе весело звякнули. — Ты, кем бы ты ни была, едешь со мной! Мне нужен спутник в этом пути. В прошлом десятилетии я не успел увидеть это из-за того что принимал титул архимага, но сейчас я не упущу данную возможность!

— Что именно? — Элис попыталась высвободиться, но хватка у мужчины была железной.

— Ты не знаешь?! — он уставился на неё с таким видом, будто она спросила, а дышит ли воздух. — Ну да, откуда тебе знать? Раз в десять лет происходит размножение горных троллей. Это больше похоже... ну, на человеческую оргию. Удивительно, правда?

— Э-э-э... — Элис почувствовала, как щёки заливают краска.

— Что я спрашиваю? — мужчина сам себе ответил, не дожидаясь её реакции. — Конечно удивительно!

— А если не секрет, — осторожно спросила Элис, — зачем вам это?

— Ну, помимо личного интереса, — мужчина отпустил одно её плечо и принялся загибать пальцы, — это то, что последние работы об этом датируются только прошлым столетием, и я желаю проверить, так оно или что-то изменилось. А теперь что мы стоим? Карета до Нордленда уже ожидает нас.

Он схватил её за предплечье и побежал.

Безумно, стремительно, не обращая внимания на студентов, которые шарахались в стороны, на преподавателей, которые неодобрительно качали головами, на слуг, которые едва успевали уворачиваться.

— Вы... вы архимаг? — выдохнула Элис, пытаясь не отставать.

— Август, — представился он, не сбавляя темпа. — А тебя как зовут?

— Элис.

— Элис, — повторил он, будто пробуя имя на вкус. — Хорошее имя. Легко запоминается. Они выбежали из ворот коллегии, и Элис увидела её.

Карета была не просто дорогой — она была великолепной. Чёрный лак, блестящий на солнце, золотые ручки на дверцах, бархатные шторы на окнах. Кучер в ливрее с золотыми кистями почтительно отворил дверцу, и Август, не церемонясь, втолкнул Элис внутрь.

— Устраивайся, — сказал он, залезая следом. — Путь неблизкий.

Карета тронулась мягко, почти незаметно. Элис откинулась на сиденье, обтянутое красным бархатом, и почувствовала, как усталость последних часов наваливается с новой силой.

— Кстати, — Август повернулся к ней, и в его глазах мелькнуло странное выражение — не то любопытство, не то подозрение. — А ты знаешь, куда именно мы направляемся?

— Если честно, — призналась Элис, — нет.

— Вот что за ученики пошли? — Архимаг воздел руки к небу. — Уже даже не знают, где размножаются горные тролли.

— А? — Элис моргнула. — Да-да, ученики. Коллегия. Конечно.

— Размножаются они в горном массиве вблизи Винтерпорта, — пояснил Август, не обратив внимания на её запинку. — Почти на самом севере острова. Удивительно, правда?

— Удивительно, — эхом отозвалась Элис.

— Сначала приедем в город, а оттуда — в горы, — закончил он.

Элис закрыла глаза и мысленно взмолилась: «Надеюсь, Лоуренс это учёл».

Карета тем временем выехала за пределы Сайтрама, и перед ними открылись дороги Флеттенхолда.

Путь на север был долгим, но карета оказалась на удивление удобной. Элис смотрела в окно, наблюдая, как сменяют друг друга пейзажи: сначала густые леса, где солнечный свет с трудом пробивался сквозь кроны деревьев, потом холмы, поросшие вереском, потом равнины, где ветер гнал волны высокой травы, потом снова леса, но уже другие — северные, с высокими соснами и елями, чьи тёмные силуэты вырисовывались на фоне серого неба.

— Давно путешествуешь? — спросил Август, когда они миновали очередную деревню.

— Впервые, — честно ответила Элис.

— Похвально, — кивнул архимаг. — В первый раз — и сразу в Нордленд. Суровое место. Не каждый решится.

— А вы? — Элис посмотрела на него. — Вы там бывали?

— Бывал, — Август помрачнел. — Давно. Ещё до того, как стал архимагом. Там холодно. И люди там другие. Суровые. Не любят чужаков.

— Почему же вы едете?

— Долг учёного, — он пожал плечами. — Знания дороже комфорта.

Карета остановилась на ночлег в небольшой деревушке на границе Флеттенхолда и Стоунстейта. Август снял две комнаты в местной таверне, и Элис впервые за долгое время спала не в трясущейся повозке и не на жёстких мешках.

Утром они двинулись дальше.

Чем ближе к северу, тем холоднее становилось. Воздух сделался прозрачным и колючим, небо — низким, серым, готовым вот-вот разразиться снегом. Деревья изменились — вместо дубов и клёнов появились сосны и ели, чьи лапы тяжело свисали до самой земли.

— Скоро Нордленд, — сказал Август, когда они пересекли очередную реку.

— Откуда вы знаете? — спросила Элис.

— По воздуху, — он улыбнулся. — Он здесь другой. Сухой. Холодный. Пахнет снегом.

Элис принялась — и правда, в воздухе чувствовалось что-то, чего не было в Междуречье. Что-то свежее, чистое, почти стерильное.

Границу они пересекли незаметно — просто посреди леса дорога стала чуть уже, а столбы, отмечавшие тракт, — чуть выше. Но Элис почувствовала, что они въехали в Нордленд,

по тому, как изменились лица встречающих крестьян. Они были суровее, молчаливее, и смотрели на карету с подозрением.

Винтерпорт показался на пятый день пути.

Сначала Элис увидела только дым — густой, чёрный, поднимающийся над крышами. Потом — стены. Высокие, серые, сложенные из огромных каменных глыб, они тянулись вдоль берега моря, защищая город от ветров и врагов. Над стенами возвышались башни — квадратные, массивные, с бойницами и флагами, на которых был изображён восьмиконечная белая снежинка на синем поле.

Карета въехала в город через восточные ворота, и Элис выглянула в окно.

Винтерпорт оказался непохожим на всё, что она видела раньше. Узкие улицы, вымощенные крупным булыжником, тянулись вверх, к замку, который возвышался на холме в центре города. Дома были высокими, в два-три этажа, с острыми крышами, покрытыми красной черепицей. Окна — маленькими, с частыми переплётами, чтобы сохранять тепло. Над всем этим витал запах — смесь дыма, моря и чего-то ещё, чего Элис не могла определить.

Над башнями замка, на высоком флагштоке, развевался стяг. Элис присмотрелась: белая, восьмиконечная снежинка на синем полотне.

— Флаг Нордленда, — пояснил Август, заметив её взгляд. — Символ севера. Холода, чистоты и... упрямства. Северяне говорят, что снежинка — потому что их земля всегда покрыта снегом. А восемь концов — в честь восьми древних кланов, что когда-то объединились под властью первого короля.

— Красиво, — сказала Элис, и это было искренне. В снежинке было что-то суровое, но в то же время удивительно гармоничное.

— Спорить не буду, — Август улыбнулся. — Нордлендцы своей символикой гордятся. И не зря.

Карета тем временем въехала на главную площадь. Здесь было оживлённо: торговцы выкрикивали товары, женщины несли корзины с рыбой, дети бегали по мостовой, играя в догонялки. Где-то играла музыка — старый моряк с гармошкой пел песню о дальних плаваниях. Воздух пах солью, дымом и... свободой.

Карета остановилась на краю площади, напротив старой гостиницы с вывеской, на которой был изображён медведь, держащий кружку пива.

— Приехали, — Август открыл дверцу и первым вышел наружу. — Дальше пешком. В горы на карете не проехать.

Элис выбралась следом, чувствуя, как холодный ветер треплет волосы.

Винтерпорт жил своей жизнью. И над всем этим, как напоминание о власти, развевался флаг с белой снежинкой на синем поле.

— Что теперь? — спросила Элис, глядя на архимага.

— Теперь — в горы, — ответил он, потирая руки. — Но сначала — поесть. Дорога была долгой, а я старый и голодный.

Он направился к гостинице, и Элис, помедлив мгновение, последовала за ним.

Самое интересное было впереди.

Глава 5: Оргия в горах

Гостиница «Медведь и кружка» оказалась именно такой, как и предполагала её вывеска — тёплой, шумной и очень гостеприимной. Внутри пахло жареным мясом, свежим хлебом и, конечно, пивом — тем самым, ради которого, как говорили, сюда съезжались даже из соседних провинций.

Август без колебаний направился к свободному столику у камина, плюхнулся на деревянную скамью и с наслаждением вытянул ноги.

— Садись, — кивнул он Элис, указывая на место напротив. — Здесь кормят отлично. Я проверял.

Элис села, чувствуя, как усталость последних дней постепенно отпускает. Тепло камина грело спину, а запах еды заставлял желудок издавать предательские звуки.

— Что будете заказывать? — к ним подошла дородная женщина в переднике, с красными от жара щеками и доброй улыбкой.

— Всё, что есть, — махнул рукой Август. — И побыстрее. Мы голодные как волки.

Женщина рассмеялась, кивнула и исчезла за стойкой. Через несколько минут перед ними уже дымились тарелки с тушёным мясом, запечённой картошкой, свежими овощами и, конечно, огромные кружки тёмного пива.

— Я не пью, — сказала Элис, когда Август пододвинул к ней кружку.

— Сегодня пьёшь, — возразил архимаг. — Первый день в Нордленде, первое серьёзное путешествие. Это надо отметить.

Элис хотела возразить, но, посмотрев на его улыбающееся лицо, вдруг поняла, что отказываться не хочется. Она сделала глоток. Пиво оказалось тёплым, терпким, с хлебным вкусом и долгим послевкусием.

— Непривычно, — сказала она, ставя кружку.

— Привыкнешь, — заверил Август, уже осушивший свою наполовину. — Нордлендское пиво — это отдельный вид искусства. Его варят по старинным рецептам, которые передаются из поколения в поколение. Говорят, в каждой деревне свой секрет.

Они ели молча, наслаждаясь теплом и сытостью. Элис поймала себя на мысли, что впервые за несколько дней она не думает о Лоуренсе, о кинжале, о родителях. Только здесь и сейчас. Только это тепло, эта еда и этот странный, чудаковатый архимаг напротив.

Когда тарелки опустели, Август откинулся на спинку скамьи и удовлетворённо вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. — А теперь — спать. Завтра рано вставать.

— Во сколько?

— С рассветом. В горах темнеет быстро, а нам нужно успеть добраться до пещер до наступления темноты.

Они поднялись в свои комнаты — маленькие, чистые, с узкими кроватями и толстыми шерстяными одеялами. Элис легла, но долго не могла уснуть. В голове крутились мысли о завтрашнем дне, о троллях, о том, что Лоуренс, возможно, ошибся, отправив её сюда.

Но сон всё же пришёл. Глубокий, без сновидений, каким бывает только после долгой дороги.

Рассвет в Винтерпорте оказался серым и холодным. Небо, ещё не успевшее как следует рассветать, висело низко, готовое вот-вот разразиться снегом. Август уже ждал Элис внизу, в общем зале, с рюкзаком за плечами и неизменными склянками на поясе.

— Выспалась? — спросил он, протягивая ей кружку горячего чая.

— Да, — кивнула Элис, делая глоток. Чай оказался крепким, с травами, и сразу согрел изнутри.

— Тогда в путь.

Они вышли из гостиницы и направились к северным воротам города. Винтерпорт просыпался — открывались лавки, торговцы выкрикивали товары, женщины несли корзины с рыбой. Кто-то узнавал архимага, кланялся, кто-то просто провожал взглядом.

— Вы здесь знаменитость? — спросила Элис.

— Не то чтобы, — усмехнулся Август. — Просто я приезжаю сюда раз в некоторое время. Люди запоминают.

Северные ворота вывели их на дорогу, ведущую в горы. Сначала она была широкой, укатанной, но чем дальше, тем уже становилась, пока не превратилась в узкую тропу, петляющую между скал.

— Тролли живут высоко, — пояснил Август, шагая впереди. — Любят холод, снег и тишину. Внизу их редко встретишь.

— А они опасны?

— В брачный период — да. Очень. Самцы становятся агрессивными, дерутся за самок, могут напасть на любого, кто приблизится. Но обычно они заняты друг другом, так что если не шуметь и держаться подальше, риск минимален.

— А если шуметь?

— Тогда бежать, — серьёзно ответил Август. — И очень быстро.

Дорога пошла вверх. Тропа становилась круче, камни — острее, воздух — холоднее. Элис с трудом переводила дыхание, но старалась не отставать.

— Вы... вы часто так ходите? — спросила она, ухватившись за выступ скалы.

— По горам — не очень, — признался Август. — Но я маг. У меня есть свои способы.

Он поднял руку, и из его пальцев вырвалось небольшое пламя — яркое, почти ослепительное. Оно разогнало туман, осветило тропу, и Элис наконец увидела, куда они идут.

— Это... — начала она.

— Элементарная магия огня, — отмахнулся Август. — Полезно в горах. И не только.

Он щёлкнул пальцами, и пламя погасло. Потом щёлкнул снова — и зажглось, но уже не на руке, а на камне, который он поднял с земли. Камень повис в воздухе, светясь, как маленькое солнце.

— Вы умеете... поднимать камни?

— Умею, — Август улыбнулся. — Но это уже не огонь, а воздух. Стихии — они все связаны. Главное — понять принцип.

— А вы сильный маг?

— Достаточно, — он пожал плечами. — Чтобы выжить в этом мире, нужно быть либо сильным, либо хитрым. Я предпочитаю что-то среднее.

Они шли уже несколько часов, когда Август вдруг остановился и повернулся к Элис.

— Слушай, — сказал он, глядя на неё пристально. — Ты ведь не маг, да?

Элис замерла.

— Что? — выдохнула она, чувствуя, как сердце пропустило удар.

— Не притворяйся, — Август покачал головой. — Я видел, как ты смотрела на мои фокусы. Не с восхищением, а с удивлением. Маги так не смотрят. Они видят это каждый день.

— Я... я просто...

— И ещё, — перебил он. — У тебя нет кристалла-проводника. Ни на поясе, ни в сумке. У каждого мага СИМП есть кристалл-проводник — хоть используемый, хоть нет. У тебя нет ничего.

Элис опустила голову. Ей хотелось провалиться сквозь землю.

— Простите, — прошептала она. — Я соврала. Я не маг. Я... я просто искала вас. Мне нужно было с вами познакомиться.

— Зачем?

— Это... долгая история.

— У нас есть время, — Август сел на камень и похлопал рядом. — Рассказывай.

Элис села. Она рассказала почти всё. О Лоуренсе, о сне, о кинжале, о Штормграде. Всё, кроме того, кто такой Лоуренс на самом деле. Это показалось ей слишком опасным.

— Хм, — Август задумчиво погладил бороду. — Странная история. Но не самая странная из тех, что я слышал. И знаешь что?

— Что?

— Я не злюсь. — Он встал. — Ты ищешь свой путь. Это нормально. Главное — не врать тем, кто может помочь. Я мог бы обидеться, но, честно говоря, мне нужен спутник, иначе я сойду с ума. А ты нуждаешься в том, чтобы добраться до Штормграда. Думаю, мы поладим.

— Правда? — Элис не верила своим ушам.

— Правда, — Август протянул руку, помогая ей подняться. — Но в следующий раз, если захочешь меня обмануть, придумай что-нибудь получше.

Они рассмеялись, и напряжение последних часов растаяло.

Путь к пещере занял ещё два часа.

Тропа петляла между скалами, то поднимаясь почти отвесно, то ныряя вниз. Воздух стал разрежённым, холодным, и Элис с трудом ловила ртом каждую молекулу кислорода.

— Почти пришли, — сказал Август, указывая на тёмный провал в скале.

Пещера была огромной. Свод её терялся в темноте, а по стенам стекала вода, образуя на полу маленькие озёрца. В воздухе пахло сыростью, камнем и чем-то ещё — сладковатым, почти приторным.

— Они здесь, — прошептал Август, доставая блокнот и карандаш.

Элис пригляделась. В глубине пещеры, там, где сходились тени, мелькали силуэты. Много силуэтов. Они двигались, сталкивались, переплетались, издавая низкие, гортанные звуки.

— Размножение, — тихо сказал Август, делая первые наброски. — Удивительно. Теория утверждала, что оно происходит раз в десять лет, но я думал, это преувеличение. Оказывается, нет.

Элис смотрела, не в силах отвести взгляд.

Тролли были огромными — в два человеческих роста, с серой, бугристой кожей, покрытой шрамами и наростами. Самцы дрались друг с другом, сшибаясь с такой силой, что стены пещеры дрожали. Самки стояли в стороне, наблюдая, и иногда издавали низкие, призывные звуки.

— Они выбирают сильнейших, — бормотал Август, зарисовывая схватку. — Как и многие виды. Но здесь есть нюанс. Смотри, вон тот, с белым пятном на спине. Он явно слабее остальных, но самки к нему тянутся.

— Почему? — спросила Элис, чувствуя, как внутри поднимается тошнота.

— Не знаю. Возможно, у троллей есть что-то вроде социального статуса. Или, может быть, белое пятно — признак возраста. Старые самцы часто бывают опытнее, даже если слабее физически.

Август делал пометки, что-то подсчитывал, рисовал схемы. А Элис смотрела.

Это было слишком.

Груда тел, мелькание конечностей, хрипы, рёв, и этот запах — сладковатый, приторный, тошнотворный — пропитал её сознание. Она чувствовала, как желудок сжимается, как подкапывает ком к горлу.

— Я... я не могу, — прошептала она.

— Что? — Август поднял голову. — Терпи. Это уникальное явление. Я должен зафиксировать как можно больше.

— Я не могу! — почти крикнула Элис, и её вырвало.

Прямо на каменный пол пещеры.

Тишина, наступившая после этого, была оглушительной.

Тролли замерли. Все. Даже те, кто секунду назад сражался насмерть, застыли, повернув головы к выходу, туда, где стояли Элис и Август.

— Бежим, — сказал архимаг.

Они побежали.

Вопль, раздавшийся за спиной, был таким громким, что, казалось, стены пещеры дрогнули. Тролли бросились за ними — огромные, неуклюжие, но невероятно быстрые на короткой дистанции.

— Огонь! — Август развернулся на бегу и выбросил руку вперёд.

Стена пламени взметнулась между ними и преследователями, осветив пещеру жарким оранжевым светом. Тролли заверещали, отшатнулись, но не остановились. Они обошли огонь с флангов и снова ринулись вперёд.

— Ещё огонь! — Август щёлкнул пальцами, и из его рук вырвались сразу три огненных шара. Они ударили в пол перед ближайшими троллями, взметнув фонтаны искр и дыма. Твари закашлялись, замахали лапами, но не остановились.

— Беги! — крикнул Август, хватая Элис за руку.

Они свернули в узкий боковой проход, где тролли не могли развернуться из-за своих размеров. Но твари не отставали — они ломались следом, сшибая стены, ломая камни.

— Огненная стена! — Август резко остановился, развернулся и провёл рукой по воздуху, чертя сложный знак.

Пламя взметнулось от пола до потолка, перегораживая проход. Тролли заверещали, отскочили, но стена быстро начала угасать — Август терял силы.

— Быстрее! — он снова побежал.

Элис не оглядывалась. Она слышала только топот, рёв и тяжёлое дыхание архимага за спиной.

— Огненные стрелы! — крикнул он, и снопы раскалённых искр обрушились на головы преследователей.

Тролли взвыли, но продолжали бежать.

— Ещё! Ещё! — бормотал Август, швыряя один огненный шар за другим.

Но их было слишком много.

— Август! — крикнула Элис, когда тропа резко пошла вниз. — Там обрыв!

— Не бойся! — он схватил её за плечо и резко свернул вправо, в расщелину, которую Элис не заметила. — Огненный толчок!

Из его рук вырвалась не пламя, а ударная волна — раскалённый воздух, сжатый до предела. Она ударила в скалу над входом в расщелину, и камни обрушились, перегораживая проход за их спинами.

Тролли завывали, но пробить завал не смогли.

Август прислонился к стене, тяжело дыша. Его лицо было красным, пот стекал по вискам, руки дрожали от перенапряжения.

— Живы, — выдохнул он. — Кажется.

Элис стояла рядом, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Вы... вы гений, — прошептала она.

— Я — дурак, — поправил Август. — Который едва не угробил себя и тебя ради каких-то троллей.

— Но вы их остановили.

— Временно, — он покачал головой. — Идём. Пока они не нашли другой путь.

Они бежали по каменистой тропе, спотыкаясь, падая, поднимаясь. Тролли преследовали их до самых предгорий, но там, где скалы кончались, а начинался лес, они отстали. Видимо, не хотели заходить на чужую территорию.

Элис рухнула на землю, тяжело дыша. Её трясло. Не от холода — от стыда.

— Простите, — прошептала она, когда Август сел рядом. — Простите. Я всё испортила. Из-за меня мы чуть не погибли.

— Ты не виновата, — он покачал головой. — Я знал, что это может случиться. Просто надеялся, что нас не заметят.

— Но я...

— Ты не маг, — закончил он. — И это нормально. Не все рождаются с даром. Но ты смелая. Ты могла остаться в городе, но пошла в горы. Это дорогого стоит.

Элис молчала, глядя в землю.

— Я не злюсь на тебя, — добавил Август. — Честно.

— Правда?

— Правда. — Он помолчал. — Но давай вернёмся в Сайтрам. Вместе. Я помогу тебе добраться до Штормграда позже.

— Нет, — Элис подняла голову. — Я не могу. Мне нужно туда сейчас. Лоуренс...

— Лоуренс подождёт, — твёрдо сказал Август. — Или нет. Но если ты полезешь в эту передрагу одна, без подготовки, без оружия, без знаний — ты погибнешь.

— Я всё равно пойду.

— Тогда хотя бы возьми это, — он снял с пояса небольшую склянку с красноватой жидкостью. — Выпей, если будет совсем плохо. Это концентрат огненной саламандры. Согреет в любом холоде.

— Спасибо, — Элис взяла склянку, спрятала за пазуху.

Они вернулись в Винтерпорт уже к вечеру. Август сел в карету, кивнул Элис на прощание и уехал.

Она осталась одна на площади перед гостиницей.

— Сними комнату, переночуй, а завтра — в Штормград, — сказала она себе.

Она уже хотела войти внутрь, когда услышала знакомый звук. Кто-то каркнул.

Элис обернулась.

На крыше гостиницы, на самой верхушке, сидела она.

Миледи Грей.

Сорока смотрела на Элис своими чёрными, блестящими глазами, и в её взгляде не было ни страха, ни удивления. Только спокойное, всезнающее ожидание.

— Ты? — прошептала Элис. — Как ты здесь оказалась?

Сорока каркнула, будто пожимая плечами.

— Ты... ты следила за мной?

Миледи Грей склонила голову набок, потом вдруг слетела с крыши и приземлилась Элис на плечо, прямо на плащ.

— Ты... ты хочешь остаться со мной?

Каркнула. Определённо «да».

— Ну что ж, — Элис улыбнулась — впервые за долгое время. — Добро пожаловать. Теперь нас двое.

Она вошла в гостиницу, сняла комнату, поднялась наверх.

Ночь была холодной, но под толстым шерстяным одеялом было тепло. Миледи Грей устроилась на спинке кровати, и её чёрные глаза блестели в темноте.

— Знаешь, — прошептала Элис, засыпая, — я рада, что ты здесь. Очень рада.

Сорока каркнула в ответ — тихо, почти нежно.

А за окном падал первый снег.

Глава 6: Дорога в столицу

Сон не пришёл.

Элис лежала в темноте, глядя в потолок, и чувствовала, как время тянется медленно, вязко, как смола. Миледи Грей, устроившаяся на спинке кровати, тихо посапывала — или издавала звуки, очень на это похожие. На улице выл ветер, где-то вдалеке лаяла собака, а в соседней комнате кто-то храпел так громко, что, казалось, стены дрожали.

— Ну пожалуйста, — прошептала Элис в пустоту. — Хоть что-нибудь. Даже кошмар. Только не эта пустота.

Она ненавидела сны без сновидений. Чёрная пустота, в которой нет ни звука, ни цвета, ни движения. Когда просыпаешься после такой ночи и не понимаешь, спал ли ты вообще. Когда утро встречает тебя такой же усталостью, как и вечер.

— Пожалуйста, — повторила она.

И темнота дрогнула.

Сначала Элис подумала, что ей показалось. Но нет — тьма действительно начала светлеть, превращаясь в серый, знакомый туман. Тот самый, что был в прошлые разы.

— Да, — выдохнула она, чувствуя, как внутри разливается облегчение. — Да!

Она почти обрадовалась, когда увидела эту серую мглу. Потому что это означало, что ночь не пройдёт даром. Что она не одна. Что Лоуренс придёт.

И он пришёл.

Из тумана выступила фигура — белый камзол с золотыми узорами, тяжёлый плащ, разорванная половина лица и живой, пронзительный глаз, который смотрел на неё с чем-то, похожим на одобрение.

— Ты хорошо потрудились, — сказал Лоуренс без предисловий. — Я видел. Ты была смелой. И самоотверженной.

— Вы... вы видели? — Элис удивилась. — Как?

— Я вижу всё, что касается нашего дела, — он усмехнулся, и его живая половина лица осветилась странным светом. — Ты рисковала жизнью, хотя могла остаться в городе. Ты солгала архимагу, хотя могла выдать себя. Ты пошла в горы, хотя могла сбежать. Это дорогого стоит.

— Я не сбежала, — тихо сказала Элис. — Потому что вы сказали, что это важно.

— Важно, — кивнул Лоуренс. — И ты почти у цели. Кинжал близко. Осталось совсем чуть-чуть.

Элис почувствовала, как сердце забилось чаще.

— Где он? В Штурмграде?

— В Штурмграде, — подтвердил призрак. — Но точно я скажу, когда ты доберёшься до города. Пока же... — он сделал паузу, — тебе нужно туда попасть.

— Как? — Элис развела руками. — Я не знаю дороги. У меня нет карты. Я даже не представляю, сколько это займёт времени.

Лоуренс рассмеялся. Не злобно, даже не насмешливо — скорее, как человек, который слышал что-то очень забавное.

— А ты не знаешь, — спросил он, — что в каждом из трёх крупных нордлендских городов есть транспортные повозки, которые за скромную плату доставят тебя в любой из этих трёх городов?

Элис замерла.

— Нет, — призналась она. — Я кроме как в Междуречье нигде не была. Откуда мне знать?

— Ах да, — Лоуренс склонил голову, и его единственный глаз сверкнул. — Ну тогда простительно такое не знать. Винтерпорт, Штурмград и Фортсити связаны регулярным сообщением. Повозки ходят каждый день, утром и вечером. Стоят недорого. Ты сядешь на одну из них и через несколько дней будешь в столице.

— А дальше?

— А дальше я скажу, — повторил он. — Когда ты будешь в Штурмграде. Не раньше.

— Но...

— Никаких «но», — голос Лоуренса стал твёрже. — Ты почти у цели, Элис. Не сворачивай. Не сомневайся. Иди вперёд.

Он поднял руку, и туман вокруг закружился, сгущаясь.

— Скоро увидимся, — сказал он. — А пока... спи.

Элис проснулась с первыми лучами солнца.

Она села на кровати, потянулась — и улыбнулась. Миледи Грей, всё ещё сидевшая на спинке, смотрела на неё с любопытством.

— Мы едем в Штормград, — сказала Элис сороке. — Там есть повозки. Транспортные. Ты знала?

Сорока каркнула — то ли «да», то ли «нет», то ли «какая разница».

— Ладно, — Элис встала, натянула плащ, пригладила волосы. — Идём искать.

Винтерпорт по утрам был прекрасен в своей суровой, северной красоте.

Элис вышла из гостиницы и замерла, глядя на город, который вчера она не успела толком рассмотреть. Винтерпорт оказался огромным — гораздо больше, чем она думала. Узкие улочки, вымощенные крупным булыжником, тянулись во все стороны, то поднимаясь вверх, к замку, то ныряя вниз, к порту. Дома здесь были не похожи на те, что в Междуречье — высокие, в два этажа, с острыми крышами, покрытыми красной черепицей, и маленькими окнами, за которыми угадывался уютный свет.

Порт шумел. Сотни кораблей — огромных торговых судов, рыбацких лодок, военных галер — теснились у причалов, и их мачты уходили в небо, как лес после пожара. Крики чаек смешивались с рёвом боцманов, скрипом лебёдок и запахом рыбы, смолы и свободы.

— Это, наверное, самый большой порт на всём побережье, — прошептала Элис, и это было не преувеличением.

Она прошла по набережной, расспрашивая встречных о повозках. Торговцы, рыбаки, грузчики — все говорили одно и то же: «На главной площади. Возле ратуши. Там стоянка. Утром и вечером».

Главная площадь оказалась именно там, где и сказали — в центре города, у подножия замка. Здесь было просторно, светло, и с высоких флагштоков на ветру развевались стяги с белыми снежинками на синем поле.

Элис увидела повозку сразу.

Она стояла в углу площади, накрытая брезентом, с двумя крепкими лошадьми, которые терпеливо жевали овёс из торб. Рядом, на облучке, сидел извозчик — коренастый мужчина в меховой шапке и потрёпанном тулупе. Его лицо было обветренным, красным от холода, но глаза смотрели доброжелательно.

— Подвезти? — спросил он, когда Элис подошла ближе.

— Да, — кивнула она. — До Штормграда.

— Десять медных, — назвал цену извозчик.

Элис полезла в кошель, отсчитала монеты. Их было не так много, но на билет хватило.

— Хорошо, — она протянула деньги.

Извозчик ловко сгрёб их в карман, кивнул:

— Залезай в повозку и отчаливаем.

Элис забралась внутрь. Там было тесновато, но тепло — на дне лежали овечьи шкуры, а с боков висели плотные шторы, защищающие от ветра. Миледи Грей, устроившаяся у неё на плече, недовольно каркнула, но перебираться не стала.

— Терпи, — шепнула ей Элис. — Дорога недолгая.

Извозчик щёлкнул языком, лошади тронулись, и повозка покатила по мостовой.

Путь до Штормграда занял два дня.

Сначала дорога шла вдоль побережья. С одной стороны — серое, холодное море, с другой — скалы, поросшие соснами. Ветер был сильным, но повозка, накрытая брезентом, неплохо держала тепло.

На ночлег они останавливались в придорожных трактирах — таких же суровых, как и сам Нордленд, с толстыми стенами, жарко натопленными печами и неизменным запахом жареного мяса и пива.

Извозчик оказался молчаливым, но добрым. Он следил, чтобы Элис поела, подкладывал ей овечьи шкуры, когда становилось особенно холодно, и ни разу не спросил, зачем девушке одной ехать в столицу.

— Не моё дело, — сказал он, когда Элис попыталась объяснить. — Ты заплатила — я везу. Всё.

На второй день дорога пошла вверх. Леса стали реже, скалы — выше, а воздух — холоднее. Элис чувствовала, как с каждым часом приближается к чему-то большому, важному, почти нереальному.

— Скоро, — сказал извозчик, когда солнце перевалило за полдень. — Вон, уже видно.

Элис выглянула из-за шторы и замерла.

Штормград.

Он стоял у подножия огромной горы, чья вершина терялась в облаках. Город был огромным — гораздо больше Винтерпорта, гораздо больше всего, что она видела в своей жизни. Серые каменные стены, уходившие ввысь, башни с флагами, острые крыши домов, теснившихся друг к другу, и над всем этим — замок. Резиденция королей Нордленда, мрачная и величественная, готовая отразить любую атаку.

— Красиво, — прошептала Элис.

— Сурово, — поправил извозчик. — Но красиво. Да, красиво.

Повозка въехала в город через главные ворота, и Элис почувствовала, как вокруг смыкаются стены. Улицы здесь были шире, чем в Винтерпорте, но холоднее — ветер гулял между домами, забираясь под одежду.

— Где остановиться? — спросил извозчик, когда они выехали на центральную площадь.

— Где-нибудь недалеко, — ответила Элис. — И недорого.

— Тогда «Три короны», — он кивнул в сторону небольшой гостиницы с жёлтой вывеской. — Там чисто, дёшево и кормят неплохо. Сам иногда останавливаюсь.

— Спасибо, — Элис вылезла из повозки, чувствуя, как ноги затекли от долгого сидения.

— Удачи, — сказал извозчик и тронул лошадей.

Элис осталась одна на площади.

Штормград жил своей жизнью. Торговцы выкрикивали товары, дети бегали по мостовой, старухи на скамейках обсуждали новости. Но всё здесь было другим — более суровым, более серьёзным, чем в Междуречье. Люди не улыбались просто так. Они улыбались, когда был повод.

— Идём, — сказала Элис Миледи Грей, которая сидела у неё на плече и с любопытством рассматривала город.

Она вошла в гостиницу «Три короны».

Внутри было чисто и тихо. Хозяин — пожилой мужчина с седыми усами и добрыми глазами — сдал ей комнату на втором этаже, взял плату за три дня вперёд и пожелал спокойной ночи.

Комната была маленькой, но уютной. Узкая кровать, застеленная толстым шерстяным одеялом, деревянный стул, стол, на котором стоял глиняный кувшин с водой. На окне — плотные шторы, защищающие от ветра.

Элис сняла плащ, села на кровать и посмотрела на Миледи Грей.

— Мы здесь, — сказала она. — В Штормграде. Осталось только найти кинжал.

Сорока каркнула — то ли одобрительно, то ли встревоженно.

Элис легла, укрылась одеялом и закрыла глаза.

— Завтра начнём искать, — прошептала она. — Завтра.

За окном падал снег. Город жил своей жизнью, не зная, что в маленькой комнате на втором этаже лежит девушка, которой предстояло изменить его судьбу. Или, может быть, он знал. Но молчал.

Глава 7: Коготь Тени

Ночь снова привела Элис в туман.

Она уже не боялась этого серого, бесконечного пространства. Не боялась тишины, которая давила на уши, и холода, который, казалось, исходил из самой земли. Она даже почти привыкла. Привыкла ждать. Привыкла к тому, что из этого тумана обязательно появится ОН.

Лоуренс не заставил себя ждать.

— Ты вовремя, — сказал он, возникая из серой мглы. Его белый камзол с золотыми узорами сиял даже в этом бесцветном мире, а единственный глаз смотрел пристально, почти одобрительно. — Я знаю, где кинжал.

Элис почувствовала, как сердце пропустило удар.

— Где?

— В Штормграде. У подножия горы, почти у самого подъёма, есть лавка антиквариата. — Лоуренс говорил медленно, чётко, будто зачитывал инструкцию. — Её держит орк по имени Гарзок. Не самый крупный из его сородичей, но крепкий и крайне упрямый. Кинжал — у него.

— В лавке? — переспросила Элис. — Он его продаёт?

— Нет, — Лоуренс покачал головой, и его живая половина лица исказилась в странной гримасе. — Гарзок — коллекционер. Он собирает диковины со всего острова. Коготь Тени — жемчужина его собрания. Он не продаст его ни за какие деньги.

— Тогда как я его заберу?

— Придумай что-нибудь, — усмехнулся призрак. — Ты умная девушка. Я верю в тебя.

— Но...

— Никаких «но», — голос Лоуренса стал твёрже. — Ты близка к цели, Элис. Ближе, чем была когда-либо. Не останавливайся.

Он поднял руку, и туман вокруг за клубился, сгущаясь.

— Завтра, — сказал он напоследок. — Завтра ты должна это сделать.

Элис проснулась затемно.

За окном было серо и тихо. Она села на кровати, потянулась и выглянула на улицу — и замерла.

Мир исчез.

Там, где ещё вчера были дома, улицы, деревья, теперь клубилась белая, густая пелена. Снег валил стеной, такой плотной, что дальше вытянутой руки ничего не было видно. Ветер выл, завывал, бросал в окна ледяные заряды, и стёкла жалобно звенели.

— Боги, — прошептала Элис.

Она никогда не видела такого снегопада. В Междуречье снег был редким гостем — выпадет, полежит денёк и растает. А здесь... Здесь он был хозяином.

Миледи Грей, сидевшая на спинке кровати, недовольно каркнула и забилась глубже в перья. Ей явно не нравилась эта погода.

— Ты останешься здесь, — сказала Элис, натягивая плащ. — Кто знает, что с тобой случится в такую метель.

Сорока каркнула — кажется, одобрительно.

Элис вышла из гостиницы, и холод ударил в лицо, как мокрая тряпка.

Она сделала несколько шагов по заснеженной улице и сразу поняла, что пожалела. Снег залеплял глаза, ветер пробирал до костей даже через тёплый плащ, а ноги скользили на обледеневших булыжниках. Она не видела ничего — только белую пелену и смутные силуэты домов, которые проплывали мимо.

— Это безумие, — прошептала она, чувствуя, как начинают неметь пальцы.

Она сделала ещё несколько шагов, потом ещё. Мороз становился всё сильнее. Он кусал щёки, нос, уши, забирался под одежду и выстужал тело. Элис поняла, что если не найдёт укрытие, то просто замёрзнет на этой улице, и никто её не найдёт, потому что в такую погоду нормальные люди сидят дома.

Она увидела вывеску магазина одежды, когда ноги уже отказывались идти. Красная, с изображением тёплого плаща, она висела над дверью, которую почти полностью занесло снегом.

Элис рванулась к ней, толкнула дверь и ввалилась внутрь.

Тепло ударило в лицо, как пощёчина. Она стояла, тяжело дыша, чувствуя, как с волос капает талая вода, как пальцы начинают оттаивать и болеть.

— Ох, батюшки, — раздался голос из глубины магазина. — Ты откуда такая взялась?

К ней подбежала дородная женщина в шерстяном платье и пуховом платке. Она схватила Элис за плечи, подвела к печке, усадила на скамью и накинула на неё ещё одно одеяло.

— Сиди, не двигайся, — приказала она. — Сейчас чай поставлю.

Через десять минут Элис сидела с кружкой горячего травяного чая, чувствуя, как жизнь понемногу возвращается в замёрзшее тело. Женщина — её звали Фрида — оказалась доброй и разговорчивой.

— И зачем тебя понесло в такую погоду? — спросила она, подкладывая дров в печь.

— Дела, — ответила Элис, отводя взгляд.

— Дела... — Фрида покачала головой. — У нас такую погоду и собаки не выходят. А ты — девушка молодая, одна, в плащике тонком... Замёрзла бы насмерть.

— Я... мне нужно тёплая одежда, — сказала Элис. — У меня есть немного денег.

— Оденем, оденем, — кивнула Фрида и полезла на полки.

Она выбрала тёплый стёганный тулуп из овчины, меховую шапку, варежки и толстые шерстяные носки. Всё это было не новым, но добротным и очень тёплым.

Элис отдала почти все свои оставшиеся монеты. Осталось совсем немного — на пару дней скромной еды и ночлега.

— Спасибо, — сказала она, уже одетая по-зимнему.

— Не за что, — Фрида погладила её по плечу. — Береги себя, девочка. И не выходи в такую погоду без нужды.

— Не выйду, — пообещала Элис.

Она вышла на улицу, и новый тулуп сразу дал о себе знать. Холод всё ещё кусал лицо, но тело было в тепле. Элис закуталась в шарф, надвинула шапку на самые глаза и пошла вперёд, в белую мглу.

Подъём в гору оказался самым трудным.

Улица, по которой она шла, постепенно забирала вверх. Дома стали реже, фонари — тусклее, а снег — глубже. Элис проваливалась по колено, выбиралась, снова проваливалась. Ветер выл так, что, казалось, мир рушится.

«Где эта лавка? — думала она, чувствуя, как силы покидают её. — Где?»

Она уже хотела повернуть назад, когда в белой пелене проступил силуэт. Низкое, приземистое строение, почти прилепленное к скале. Над дверью — едва заметная вывеска, занесённая снегом.

«Антикварная лавка Гарзока».

Элис толкнула дверь и вошла.

Внутри было темно и пахло старым деревом, пылью и чем-то ещё — металлом, наверное, или древними вещами, которые помнили не одно столетие. Стеллажи, уходящие вверх, были заставлены диковинами: старыми книгами в кожаных переплётах, резными шкатулками, засушенными цветами в стеклянных колбах, странными амулетами, назначение которых Элис не могла даже представить.

Где-то в глубине, за прилавком, кто-то сидел.

Элис подошла ближе.

Орк был не таким, как она себе представляла. Он не был огромным, не был пугающим. Конечно, выше и шире любого человека, но по меркам своего народа — скорее поджарый, чем

грузный. Зелёная кожа, выступающие клыки, длинные, чуть заострённые уши. На нём была простая рубаша и кожаный фартук. Он сидел, вертя в руках какую-то безделушку, и, казалось, не обращал внимания на вошедшую.

— Покупать будешь? — спросил он, не поднимая головы. Голос у него был хриплым, низким, с лёгкой гортанью.

— Я... — Элис запнулась. — Я хотела бы посмотреть на ваши... диковины.

— Смотри, — он мотнул головой в сторону стеллажей. — Но руками не трогать.

Элис прошла вдоль полок, делая вид, что рассматривает товар. На самом деле она искала витрину. Ту самую. И нашла.

Она стояла на прилавке, прямо перед орком, под стеклянным колпаком. Небольшая, изящная. Чёрное лезвие, отполированное до зеркального блеска, и рукоять из белой, тёплой на вид кости. Коготь Тени.

Сердце Элис забилося чаще.

Он был здесь. Так близко. Отделяло её от него только стекло и упрямство орка.

— Я хочу купить это, — сказала она, указывая на витрину.

Гарзок поднял голову. Его жёлтые глаза сузились.

— Не продаётся.

— Я заплачу. У меня есть деньги.

— Не продаётся, — повторил он, возвращаясь к своей безделушке.

— Но это семейная реликвия! — выпалила Элис. — Она принадлежала моей семье много лет назад. Я должна её вернуть.

— Мне плевать, — отрезал орк. — Кинжал теперь мой. Я его купил честно. И продавать не собираюсь.

— Вы не понимаете...

— Я всё понимаю, — он отложил безделушку и посмотрел на неё в упор. — Каждый день ко мне приходят такие, как ты. «Это моё», «это принадлежало моему деду», «я должен вернуть это в семью». А на самом деле — хотят продать подороже. Но этот кинжал не продаётся. Ни за какие деньги.

— Я не собираюсь его продавать! — почти крикнула Элис.

— Тогда зачем он тебе?

— Это... это сложно объяснить.

— Тогда иди себе, — Гарзок снова уткнулся в безделушку. — Не трать моё время.

Элис стояла, чувствуя, как внутри закипает отчаяние. Она прошла такой долгий путь. Замёрзла, чуть не умерла от холода, потратила почти все деньги. И теперь — уйти ни с чем?

— Я не уйду, — сказала она тихо.

— Тогда будешь стоять, — пожал плечами орк.

Диалог длился долго. Элис уговаривала, просила, умоляла. Предлагала золото, серебро, даже ту самую флейту, которую ей подарил дед. Гарзок был непреклонен.

— Не продаётся, — повторял он. — Не отдаётся. Уходи.

И тогда Элис решилась.

— Смотри! — крикнула она, указывая за спину орка. — У тебя стеллаж падает!

Гарзок резко обернулся, вскочил, заслоняясь руками от несуществующей опасности. В этот момент Элис ударила по стеклянной витрине — краем ладони, со всей силы, на которую была способна.

Стекло треснуло, разлетелось на сотни осколков. Кинжал оказался у неё в руках.

Она не стала ждать, пока орк опомнится. Выскочила из лавки, захлопнув за собой дверь, и побежала, насколько могла быстро, в белую мглу.

— Держите её! — услышала она за спиной. — Воровка!

Элис бежала, не разбирая дороги. Снег лепил глаза, ветер сбивал дыхание, но она не останавливалась. За спиной слышались крики и топот — стража, которую Гарзок успел окликнуть, пустилась в погоню.

Но в этой снежной круговерти, где ничего не было видно дальше собственной вытянутой руки, они быстро потеряли её из виду. Элис свернула в узкий переулок, потом в другой, потом переждала за грудой ящиков, пока крики не стихли.

Кинжал был у неё.

Она стояла, прижимая его к груди, и не могла поверить. Тёплый, пульсирующий, почти живой. Коготь Тени.

— Получилось, — прошептала она. — Получилось.

Она пошла обратно к гостинице, уже не так быстро, но всё ещё осторожно. Снег валил попрежнему, но ей уже было не холодно — тулуп грел, а адреналин разгонял кровь.

И тут она в кого-то врезалась.

Удар был не сильным, но неожиданным. Элис потеряла равновесие и начала падать, но чьи-то сильные руки схватили её за плечи, удержав в последний момент.

— Осторожнее, — раздался низкий, спокойный голос.

Элис подняла голову и замерла.

Перед ней стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в тяжёлой броне, покрытой замысловатой гравировкой — узоры, похожие на переплетённые ветви или, может быть, древние руны. На поясе висел топор, массивный, с широким лезвием. В руках он держал рогатый шлем — такой, что, казалось, весит не меньше самого мужчины.

Но главным было лицо. Аккуратная, ухоженная борода, спускавшаяся чуть выше груди, и длинные русые волосы, зачёсанные назад. В его глазах — серых, цепких — горел огонь. Не колдовской, не магический — тот, что зажигается в душах людей, которые видят то, чего не видят другие.

— Ты цела? — спросил он, и в голосе его звучала искренняя забота.

— Да, — выдохнула Элис. — Я... простите, я не заметила.

— В такую погоду ничего не заметишь, — он помог ей отряхнуться, поправил съехавшую шапку. — Куда несёшься?

— Я... в гостиницу.

— В «Три короны»?

— Откуда вы знаете?

— Угадал, — усмехнулся он. — Я там часто бываю. Кормят хорошо.

Он хотел сказать что-то ещё, но в этот момент из снежной пелены вынырнули двое стражников. Запыхавшиеся, раскрасневшиеся, они остановились, увидев мужчину.

— Вот ты где, воровка! — выкрикнул один из них, указывая на Элис. — Сдавайся! На тебе преступление против Нордленда и его народа!

Мужчина заслонил Элис спиной.

— Какие-то проблемы? — спросил он, и в его голосе зазвучала сталь.

Стражники замаялись. Они явно узнали того, кто стоял перед ними, и их уверенность мгновенно испарилась.

— Сэр Ролаф, — сказал старший, не поднимая глаз. — Мы пытаемся задержать воровку. Она украла ценный артефакт из лавки Гарзока.

— И что же она украла?

— Какой-то... кинжал, — стражник запнулся.

Ролаф молчал. Секунду, две, три. Он явно взвешивал слова.

— Так вот, — наконец произнёс он, и голос его зазвучал властно, не терпя возражений, — от имени начальника стражи Штормграда и управляющего вооружёнными силами Нордленда, то есть меня, эта девушка получает помилование.

— Но она нарушила закон! — осмелился возразить стражник.

— Я здесь закон, — отрезал Ролаф. — И вот, — он достал из кошелька на поясе пять золотых монет и протянул стражнику, — передайте эти деньги Гарзоку. Конечно, я более чем уверен, что утраченный им мусор и в десять раз меньше не стоит, но пусть это будет моральной компенсацией.

Стражники переглянулись, но спорить не посмели. Один из них взял золото, они поклонились и исчезли в снежной пелене.

Ролаф повернулся к Элис.

— Тебя как звать? — спросил он, и в его глазах уже не было той стали, что минуту назад. Только любопытство и... тепло?

— Я... Элис, — ответила она. — А вы... вы получается Ролаф?

— Начальник стражи Штормграда и управляющий вооружёнными силами Нордленда, — кивнул он. — Да. А что именно ты украла?

— Не украла, а вернула, — Элис показала ему кинжал. — Это фамильная реликвия. Коготь Тени.

Ролаф взял кинжал, повертел в руках, хмыкнул.

— Красивая вещь. Древняя. А почему ты его просто не купила?

— Потому что этот орк отказывался его продавать, — вздохнула Элис. — А если бы и продавал, то заломил бы неподъёмную цену. А у меня почти не осталось денег.

— Ты не отсюда, да? — спросил Ролаф, возвращая кинжал.

— Из Междуречья. Я приехала за этой реликвией.

— Оно и видно, — он усмехнулся. — Ни один нормальный северянин не выйдет на улицу в такую погоду без тёплой одежды. А ты, я смотрю, только в тулупе.

— Это я только что купила, — призналась Элис. — Потратила почти всё, что было.

— Тогда идём, — Ролаф кивнул в сторону гостиницы. — Надо тебя накормить. А то вид у тебя, как у замерзшего воробья.

Они пошли вместе. Ролаф шёл впереди, пробивая дорогу в сугробах, а Элис — следом, стараясь попадать в его следы. В гостинице было тепло, пахло жареным мясом и пивом. Хозяин, увидев Ролафа, засуетился, освободил лучший столик у камина.

— Два ужина, — сказал Ролаф, усаживаясь. — И чего-нибудь горячего выпить. И покрепче.

— Мне... мне нельзя крепкое, — начала Элис, но он только махнул рукой.

— Согреешься. Не бойся, нордлендское пиво слабое, только с непривычки кажется, что голова кругом идёт.

Они ели молча, наслаждаясь теплом и сытостью. А потом Ролаф поднял кружку.

— За знакомство, — сказал он. — За то, что ты не побоялась украсть у Гарзока. И за то, что не замёрзла по дороге.

— За знакомство, — эхом отозвалась Элис.

Сидели они долго. Не пили — разговаривали.

Элис рассказала о себе. О том, что любит птиц и мечтала когда-нибудь увидеть северные леса. О том, что поёт — и неплохо, хотя сама скромничает. О том, что родилась и выросла в Междуречье, в семье торговцев, и что ей всегда хотелось большего, чем сидеть в гостинице и ждать женихов.

О Лоуренсе она не сказала ни слова.

Ролаф слушал внимательно, не перебивая. А когда она закончила, заговорил сам.

— Я не всегда был начальником стражи, — сказал он, крутя в руках опустевшую кружку. — Начинал простым солдатом. Защищал границу, потом с разбойниками в горах. Дослужился до капитана. Потом — до командующего. А теперь вот — управляю вооружёнными силами и пытаюсь доказать королю, что эльфы — не наши друзья.

— Почему? — спросила Элис.

— Потому что они ждут, — Ролаф посмотрел на неё, и в его глазах снова зажёгся тот самый огонь. — Они ждут, пока мы ослабнем. Пока рассоримся. Пока будем думать, что у нас есть время. А потом — удар. И тогда будет поздно.

— И вы... вы хотите их опередить?

— Я хочу, чтобы нас услышали, — он вздохнул. — Но пока — только смеются. Говорят, что я параноик. Что эльфы — наши союзники. Что мы должны дружить, а не воевать.

— Мне кажется, вы правы, — тихо сказала Элис. — Не знаю почему. Но мне так кажется. Ролаф посмотрел на неё долгим, странным взглядом.

— Ты необычная, Элис из Междуречья, — сказал он. — Очень необычная.

Она почувствовала, как щёки заливают румянец. Не от пива.

Вечер клонился к ночи. За окном всё так же выл ветер, но в гостинице было тепло и уютно. Ролаф позвал хозяина, заплатил за Элис комнату — ещё на три дня — и за ужин.

— Завтра встретимся, — сказал он, надевая свой рогатый шлем. — Покажешь мне свой кинжал. Расскажешь, зачем он тебе.

— Хорошо, — кивнула Элис.

Он ушёл, и дверь за ним закрылась.

Элис поднялась в свою комнату. Миледи Грей, увидев её, радостно закаркала — видимо, соскучилась. Элис взяла сороку на руки, погладила по перьям.

— Я нашла его, — прошептала она. — Я нашла кинжал.

Она положила Коготь Тени на стол, и он тускло блеснул в свете свечи.

— Мы почти у цели, — сказала она. — Почти.

Она легла в кровать, укрылась одеялом. Миледи Грей устроилась на спинке кровати, как всегда.

«Ролаф, — подумала Элис, засыпая. — Какой он... интересный».

Она улыбнулась и закрыла глаза.

За окном падал снег. Завтра должен был наступить новый день — день, который мог изменить всё. Или не мог. Но сегодня Элис была счастлива. Потому что кинжал был у неё. И потому что в её жизни появился кто-то, кто смотрел на неё не как на девушку из хорошей семьи, а как на человека.

Она уснула с улыбкой на губах.

Глава 8: Лёд и пламя

Снежная буря снилась ей долго. Бесконечная белая пелена, ветер, выжимающий слёзы из глаз, холод, пробирающий до костей. Элис брела по сугробам, увязая всё глубже, и не могла понять, где она и куда идёт. А потом — раз — и буря исчезла.

Туман.

Серый, знакомый, почти родной.

Элис выдохнула с облегчением. Она уже привыкла к этому пространству. Привыкла к тишине, к холоду, который здесь был не физическим, а каким-то... внутренним. И к тому, что из этого тумана обязательно появится ОН.

Лоуренс возник, как всегда, неожиданно. Белый камзол с золотыми узорами сиял даже в этом бесцветном мире, а единственный глаз смотрел на неё с чем-то, похожим на одобрение.

— Механизм запущен, — сказал он без предисловий. — Ты сделала то, что должна была. Кинжал у тебя. Теперь пока этого достаточно.

— То есть... — Элис не поверила своим ушам. — Мне больше ничего не нужно делать?

— Пока — нет, — Лоуренс усмехнулся, и его живая половина лица осветилась странным светом. — Ты хорошо потрудились, Элис. Я доволен.

Элис почувствовала, как внутри разливается тепло. Не то тепло, что от камина или горячего чая, а другое — от осознания, что её усилия не прошли даром.

— Но помни, — голос призрака стал серьезнее, — самое главное — не потерять кинжал. Береги его. Он теперь — часть тебя. И будь в форме. Кто знает, когда понадобится действовать снова.

— Я поняла, — кивнула Элис.

— Вот и славно, — Лоуренс поднял руку, и туман вокруг закружился. — Отдыхай. Завтра — новый день.

Туман сомкнулся, и Элис провалилась в темноту без сновидений.

Проснувшись она от того, что в окно светило солнце.

Настоящее, северное, холодное, но яркое. Его лучи пробивались сквозь щели в ставнях, рисовали на полу золотые полосы. За окном было тихо — ни ветра, ни воя, ни снежной кружоверти. Только редкие снежинки медленно падали с неба, сверкая на солнце, как маленькие бриллианты.

Элис села на кровати, потянулась. Миледи Грей, сидевшая на спинке, каркнула — то ли «доброе утро», то ли «наконец-то».

— Доброе, — улыбнулась Элис, погладив сороку по перьям.

Она встала, умылась ледяной водой из кувшина, оделась. Новый тулуп, купленный у Фриды, грел хорошо, но сегодня она решила надеть своё старое платье — тёмно-синее, с длинными рукавами. Тулуп поверх. Шапку, варежки, шарф. Всё, чтобы не замёрзнуть.

Кинжал она прикрепила к поясу. Тяжёлый, холодный, но какой-то... родной, что ли. Будто всегда был здесь.

Внизу, в общем зале, её уже ждали.

Ролаф сидел за столиком у окна, и Элис, увидев его, на мгновение замерла.

Он был не в броне. Не в той тяжёлой, с гравировкой и рогатым шлемом, которую она запомнила со вчерашнего дня. Сегодня на нём был дорогой тёмно-синий камзол из плотной шерсти, расшитый серебряной нитью по вороту и рукавам. Под камзолом — белая рубашка, идеально выглаженная. Штаны — тёмные, заправленные в высокие сапоги из мягкой кожи. Волосы, длинные, русые, были зачёсаны назад, открывая высокий лоб и пронзительные серые глаза. Борода — аккуратно подстрижена, чуть ниже подбородка.

Он был красивым. Не по-мальчишески, не по-юношески — по-мужски. Солидным, уверенным, настоящим.

— Доброе утро, — сказал он, вставая. — Выглядишь отдохнувшей.

— Доброе, — ответила Элис, чувствуя, как щёки начинают розоветь. — А вы... ты... ты сегодня без брони.

— А зачем? — он усмехнулся, и в этой усмешке не было насмешки — только лёгкое, тёплое удивление. — Сегодня не на службу. Сегодня — гулять.

— Гулять?

— А что, в Междуречье не гуляют? — он пододвинул ей стул. — Садись. Сначала завтрак, потом — всё остальное.

Они заказали кашу, горячие лепёшки с мёдом и, конечно, чай — крепкий, травяной, согревающий. Ели молча, но это молчание было не неловким, а скорее... уютным. Будто они знали друг друга много лет, а не всего один день.

— Ты говорила, что любишь птиц, — сказал Ролаф, когда тарелки опустели. — У нас в городе есть старый парк. Там полно кормушек. Можно посмотреть.

— Правда? — Элис обрадовалась, как ребёнок. — Я люблю кормушки.

— Тогда идём.

Он надел свой плащ — тёмно-синий, под цвет камзола, с меховой оторочкой — и они вышли на улицу.

Штормград встретил их солнцем и тишиной.

Снег, выпавший за ночь, искрился под лучами, ослепляя белизной. Дороги были расчищены — город просыпался, и жители уже спешили по своим делам. Торговцы выкрикивали товары, дети лепили снеговиков, старухи на скамейках грелись на солнце.

— Красиво, — сказала Элис, оглядываясь.

— Если привыкнуть, — усмехнулся Ролаф. — Для нас это обычный день.

— Для меня — нет. Для меня — сказка.

Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то, чего она не могла прочесть.

Парк оказался недалеко — через площадь, потом направо, потом мимо старой каменной церкви. Он был не таким, как парки в Междуречье — ухоженными, с прямыми дорожками и подстриженными кустами. Здесь всё было естественнее: деревья росли, где хотели, тропинки петляли, а снег никто не убирал.

— Красиво, — повторила Элис.

— Сурово, — как вчера, поправил Ролаф.

Кормушки висели на деревьях — деревянные, резные, явно сделанные с любовью. Кто-то насыпал в них зерно, и птицы — синицы, воробьи, снегири — клевали его, не обращая внимания на людей.

— Они не боятся, — удивилась Элис.

— Привыкли, — Ролаф подошёл к одной из кормушек, протянул руку. Синица, помедлив, села ему на палец. — Здесь их не обижают.

— Ты... ты любишь птиц? — спросила Элис, глядя на его лицо — сосредоточенное, но мягкое.

— Не то чтобы, — он осторожно ссадил синицу обратно. — Но уважаю. Они свободны. И не предадут.

Элис промолчала. Она подумала о том, что он, наверное, видел много предательств. На службе, среди сослуживцев, среди тех, кому доверял.

Они гуляли долго. Прошли весь парк, поднялись на холм, откуда открывался вид на город и на залив. Потом спустились вниз, к порту, где пахло рыбой, смолой и свободой.

— Ты говорила, что поёшь, — сказал Ролаф, когда они остановились у причала.

— Говорила, — кивнула Элис.

— Спой.

— Здесь? Сейчас?

— А почему нет? — он прислонился к столбу. — Людей мало, ветер унесёт слова. Никто не услышит, кроме меня.

Элис замаялась. Она не пела на публике с того самого вечера в Междуречье, когда тётушка Агата устроила тот дурацкий приём. Но здесь, в этом холодном, суровом городе, рядом с этим человеком... почему бы и нет?

Она запела. Негромко, почти шёпотом. Песню о страннике, который ищет свой дом, о дороге, которая никогда не кончается, о свободе, которая стоит дороже всего.

Когда она закончила, Ролаф молчал. Долго.

— Ты... — наконец сказал он, и голос его звучал непривычно — хрипло, будто он сам только что оттаял. — У тебя дар.

— Спасибо, — тихо ответила Элис.

— Нет, это мне нужно говорить тебе спасибо, — он покачал головой. — Я... я давно не слышал чего-то такого же прекрасного.

Они стояли на причале, глядя на залив, и ветер трепал их волосы. И в этот момент, когда между ними не было ни слов, ни обещаний, Элис поняла — она влюбляется. Не так, как влюбляются в героев баллад или прекрасных принцев. А по-настоящему. В этого сурового, сильного, одинокого человека, который не борется с ветряными мельницами, а верой и правдой служит своей стране.

Вечером они снова ужинали вместе.

Ролаф заказал лучший столик — у камина, с видом на зал. Свечи, белая скатерть, серебряные приборы. Элис чувствовала себя неловко — она никогда не сидела в таких роскошных местах.

— Расслабься, — сказал он, заметив её напряжение. — Здесь не королевский двор. Здесь просто ресторан.

— Просто ресторан, — повторила она, и это помогло.

Они заказали жареную рыбу, запечённые овощи и бутылку красного вина — не нордлендского, а привозного, из Стоунстейта.

— За что пьём? — спросил Ролаф, поднимая бокал.

— За знакомство, — ответила Элис.

— За знакомство, — кивнул он.

Они пили медленно, говорили о разном. Ролаф рассказывал о своей службе, о том, как трудно быть начальником стражи в городе, где каждый второй считает себя главным. О том, что король — человек хороший, но старый и нерешительный. О том, что расистские настроения в эльфийском обществе активизировались, и никто, кроме него, этого не замечает.

— Иногда я чувствую себя голосом в пустыне, — сказал он, глядя в свой бокал. — Кричишь, кричишь, а тебя никто не слышит.

— Я слышу, — тихо сказала Элис.

Он поднял на неё глаза. Серые, глубокие, с той самой искрой, которая зажглась ещё вчера.

— Знаю, — ответил он. — Потому ты и... необычная.

Она хотела спросить, что именно он имеет в виду, но не решилась. Было в этом вопросе что-то слишком личное, слишком... интимное.

Ужин закончился поздно. Ролаф проводил Элис до дверей гостиницы, остановился.

— Завтра я уезжаю, — сказал он. — На границу. Проверка постов.

— Надолго? — спросила Элис, и в её голосе прозвучало сожаление.

— Недели на две. Может, больше.

— Я... я буду ждать.

Он посмотрел на неё долгим, странным взглядом. Потом наклонился и поцеловал в лоб. Легко, почти невесомо.

— Береги себя, Элис из Междуречья, — сказал он. — И кинжал свой береги.

Он ушёл, и дверь за ним закрылась. Элис стояла в коридоре, прижимая руку ко лбу, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле.

— Боги, — прошептала она. — Что же это такое?

Она поднялась в свою комнату. Миледи Грей, дремавшая на спинке кровати, открыла один глаз, каркнула и снова закрыла.

Элис разделась, легла, укрылась одеялом. Кинжал лежал на тумбочке, тускло поблёскивая в свете свечи.

«Ролаф, — подумала она. — Какой же он...»

Она не могла подобрать слова. Сильный, но не грубый. Властный, но не жестокий. И этот поцелуй — в лоб, почти по-отечески, но в нём было столько тепла, что она готова была раствориться.

— Я влюбилась, — сказала она себе, и это прозвучало как признание. — Кажется, я влюбилась.

Она закрыла глаза и улыбнулась. За окном падал снег — тихий, пушистый, почти невесомый.

Завтра Ролаф уезжал. Но сегодня он был здесь. И этого было достаточно.

Элис уснула с мыслью о том, что, возможно, жизнь — это не только долг и предназначение. Возможно, в ней есть место и для чего-то ещё.

Для счастья.

Глава 9: Две дороги

Элис снились картины.

Не те, что висят в богатых домах, — застывшие, мёртвые, покрытые лаком. А живые, дышащие, такие, какие она иногда видела на рынке в Бродвейле у заезжих художников. Яркие мазки, смелые цвета, облака, которые, казалось, плывут по холсту, и деревья, чьи ветви вот-вот шевельнутся от ветра.

Она рисовала сама. Во сне руки слушались лучше, чем наяву. Кисть летала по холсту, оставляя за собой синие, зелёные, золотые следы. Она рисовала Штормград — суровый, заснеженный, но почему-то тёплый. Рисовала залив, корабли, чаек. Рисовала себя — стоящую на причале, с кинжалом на поясе и с улыбкой, которую она в себе не узнавала.

— Хорошо получается, — прошептала она, любуясь своей работой.

И в этот миг холст пошёл рябью.

Краски смешались, побежали, стекли вниз, и вместо картины перед ней разверзлась серая, бесконечная пустота. Туман, знакомый до боли. Тишина, в которой можно было услышать биение собственного сердца.

— Домой, я вижу, ты совсем не собираешься? — голос Лоуренса прозвучал за спиной, и Элис вздрогнула, хотя должна была привыкнуть.

Она обернулась. Он стоял в двух шагах, белый камзол с золотыми узорами мерцал в серой мгле, а единственный глаз смотрел с лёгким укором.

— Домой? — повторила Элис, и вдруг её накрыло волной стыда и растерянности. — Домой...

Она совсем забыла. Забыла о родителях, которые, наверное, волнуются. О тётушке Агате, которая уже, наверное, написала всем знакомым. О старом псе Бруте, который, наверное, спит у камина и даже не знает, что его хозяйка за сотни миль от дома.

— Да, домой, — Лоуренс сделал шаг вперёд, и туман расступился перед ним. — Когда ехать собираешься?

— Я... — Элис запнулась. — Я не знаю. Я обещала Ролафу дожждаться.

— Жди, — голос призрака был ровным, но в нём чувствовалось напряжение. — Но знай, мои возможности не безграничны. Скоро твои родители перестанут получать липовые письма.

— Хорошо, — тихо ответила Элис. — Я... я подумаю.

Лоуренс посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. Потом кивнул и начал таять, растворяясь в тумане.

— Подумай, — донеслось уже издалека. — Но не слишком долго.

Туман сомкнулся, и Элис снова оказалась перед своим холстом. Краски вернулись, кисть снова послушно скользила по ткани, но вдохновение ушло. Она рисовала механически, без души, и даже самые яркие мазки казались блёклыми.

Она проснулась с первыми лучами солнца.

За окном было тихо. Снег перестал, и город лежал под белым одеялом, сверкая на солнце тысячами искр. Где-то вдалеке кричали чайки — верный знак, что порт уже проснулся.

Элис села на кровати, обхватила колени руками.

«Домой, — думала она. — Надо ли?»

Она вспомнила отца — его усталую улыбку, когда он возвращался с переговоров. Мать — её вечные вздохи о замужестве. Свой сад, кормушку, Миледи Грей, которая, впрочем, была здесь. Всё это было таким далёким, почти чужим.

А здесь... здесь был Ролаф.

Она не знала, что её ждёт. Не знала, вернётся ли он из своей поездки. Не знала, захочет ли видеть её снова. Но она обещала ждать. И она ждала.

Миледи Грей, сидевшая на спинке кровати, каркнула, будто спросила: «Ну что, встаём?»

— Встаём, — вздохнула Элис.

Она оделась, привела себя в порядок, прикрепила к поясу кинжал. Тулуп, шапка, варежки — всё, чтобы не замёрзнуть, если вдруг снова налетит буря.

Внизу, в общем зале, хозяин гостиницы уже накрывал столы к завтраку. Увидев Элис, он приветливо кивнул.

— Сегодня ясно, — сказал он. — Хороший день для прогулки.

— Да, — ответила Элис, садясь за столик у окна. — Хороший.

Она заказала кашу и чай, но ела без аппетита. Мысли всё время возвращались к Ролафу. Где он сейчас? Что делает? Увидит ли он что-нибудь на границе или снова вернётся ни с чем?

— Не волнуйся, — вдруг сказал хозяин, будто прочитав её мысли. — Ролаф — опытный воин. С ним ничего не случится.

— Я... я не волнуюсь, — солгала Элис.

— Конечно, не волнуешься, — усмехнулся он и ушёл на кухню.

Элис доела кашу, выпила чай и вышла на улицу. Город жил своей жизнью — торговцы выкрикивали товары, дети играли в снежки, старухи на скамейках обсуждали новости. Она прошла по главной площади, свернула в переулок, вышла к порту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.